

ВОЛШЕБНЫЙ СЕКРЕТ. ОХОТА НА МИФИЧЕСКОГО ЗВЕРЯ.

И ЛЮБОВЬ, РАДИ КОТОРОЙ СТОИТ РИСКНУТЬ

ОСОБО

18+

ДИКАЯ

МАГИЯ

ЭЛЛИСОН САФТ

Young Adult. Запретная магия Эллисон Сафт

Эллисон Сафт

Особо дикая магия

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сафт Э.

Особо дикая магия / Э. Сафт — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Запретная магия Эллисон Сафт)

ISBN 978-5-04-182945-2

Бестселлер The New York Times и Indie Bestseller. Волшебный секрет. Охота на мифического зверя. И любовь, ради которой стоит рискнуть. Семнадцатилетняя Маргарет Уэлти живет в старом особняке на окраине города. Ее мать, алхимик, недавно отправилась на поиски недостающего элемента для создания философского камня. Однажды Маргарет видит на пороге своего дома белого лиса. Появление древнего мифического зверя означает, что скоро начнется Охота. Маргарет нужно победить – это единственный способ вернуть мать домой. Легенда гласит, что убить лиса можно только с помощью алхимии. Поэтому, когда в особняк приезжает Уэс Уинтерс, ученик ее матери, Маргарет обращается к нему за помощью. Чтобы выиграть охоту, им придется познать тайны темной магии, которая куда опаснее, чем можно предположить. «Книга, наполненная магией и алхимией. Совершенно захватывающее чтение, которое происходит в мире разрушающихся поместий и древних лесов». – Хлоя Гонг, автор бестселлера «Эти бурные чувства» «Завораживающая, темная, пронзительная. Это история про двух людей, чьи сердца никак не могут найти свет. Про лучшую жизнь, о которой каждый из них мечтает. Про охоту, которая может изменить все. И про любовь, которая подчас намного сильнее, чем вся магия этого мира». – Аксинья, книжный блогер @boommadness

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-182945-2

© Сафт Э., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	12
3	19
4	29
5	39
6	46
7	53
8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эллисон Сафт

Особо дикая магия

© У. Сапцина, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается тем, кто мечтает о невозможном, и тем, кто
считает невозможным мечтать.*

В скором времени вам так много всего предстоит.

1

Маргарет не должна была выходить сегодня вечером.

Подморозило слишком резко для середины осени, холодом проняло даже деревья. Еще вчера утром листья за ее окном вспыхивали на солнце, золотисто-медовые и алые, как кровь. А теперь больше половины стали ломкими и камнем падают с веток, и она видит только одно: что ей предстоит много-много часов работы. И целое море мертвечины.

Мысли как раз из тех, за которые миссис Рефорд непременно упрекнула бы ее. В ушах Маргарет, как наяву, звучат ее слова: «Семнадцать лет бывает всего раз в жизни, Мэгги. Уж поверь мне, провести это время можно гораздо лучше, чем тратить его впустую, присматривая за домом, чтоб ему провалиться».

Но в том-то и дело, что не каждый может позволить себе разбазаривать время в семнадцать лет. И не всем *охота*, уподобляясь Джейме Харрингтону и его друзьям, прыгать со скал и наливать дешевой самогонкой после работы. Для того чтобы заниматься подобными глупостями, на Маргарет лежит слишком много обязанностей, и, что еще важнее, у нее дома не осталось дров. С тех пор как два дня назад они кончились, холод с удобством расположился в доме усадьбы Уэлти-Мэнор. Этим вечером он поджидает ее не только снаружи, но и внутри, злорадно ухмыляясь из камина, полного остывшей золы. Как ни страшно ей колоть дерево в такой поздний час, ничего другого ей все равно не остается. Морозно уже сейчас или станет немного погодя.

Остатки дня сочатся из-за горных вершин, по каплям вливают во двор свет – багровый, оттенка потрохов. Как только солнце скроется полностью, станет еще холоднее. Прошлую ночь Маргарет провела без сна, дрожа в ознобе, и теперь у нее все ноет так, будто ее надолго засушили в обувную коробку. Возможность помедлить еще хоть немного, откладывая наименее любимое из домашних дел, не стоит завтрашнего повторения тех же мучений.

Морозно уже сейчас.

Натянув на уши старый материнский клош, Маргарет сходит с крыльца и бредет по опавшей листве во двор за домом, где возле ржавой тачки сгорбилась поленница. Скопившаяся в тачке дождевая вода серебрится от ранних заморозков и отражает тусклый свет неба, которому сумерки придали оттенок синяка. Потянувшись, чтобы взять чурбак, Маргарет мельком видит в воде собственное осунувшееся лицо. Выглядит она такой же усталой, какой чувствует себя.

Маргарет ставит чурбак на колоду и берется за колун. Когда она была маленькой и тонкой, ей приходилось каждый раз бросаться на чурбак всем весом, обрушивая на него колун. А сейчас опускать его так же легко, как дышать. Просвистев в воздухе, колун вонзается в дерево с громким «крак», вспугнув с ветки двух ворон. Маргарет перехватывает рукоятку поудобнее и шипит сквозь зубы от боли, загнав себе в руку занозу.

Она разглядывает кровь, проступившую в складках ладони, потом слизывает ее. Холод пробирается в ранку, слабый привкус меди обволакивает язык. Надо бы ошкурить рукоятку, пока та не выгрызла из нее еще частичку плоти, но времени нет. Времени не хватает ни на что.

Обычно она готовится к зиме заранее, но с тех пор как три месяца назад ушла ее мать дела только накапливались. Окна требуется законопатить, черепицу заменить, шкуры вытрясти и осмотреть. Справиться было бы гораздо проще, если бы она изучала алхимию, как всегда хотела ее мать, но этого не будет ни за что, как бы она ни голодала и ни отчаивалась.

Какой только смысл не вкладывают в алхимию люди. Для наиболее практично настроенных ученых это процесс извлечения из материи ее сущности и способ познания мира. Богобоязненные приверженцы катаризма утверждают, что алхимия способна очищать что угодно, даже людей. Но Маргарет знает правду. Алхимия – и не прогресс, и не спасение. Это смрад

серы, который невозможно смыть с волос. Это уложенные чемоданы и запертые двери. Кровь и чернила на половицах.

Маргарет и без алхимии проживет до тех пор, пока мать не вернется – *если* вернется. Она сразу же пресекает эту мысль, давит ее в зародыше. В связи с исследованиями Ивлин постоянно путешествует, и до сих пор она всегда возвращалась. В этот раз немного задержалась, только и всего.

Где же ты сейчас?

Много лет назад, когда у Маргарет еще хватало на это духу, она забиралась на крышу и воображала, что способна увидеть за тысячу миль все те удивительные места, которые сманили Ивлин, увели от нее. Но как она ни силилась, так ничего и не увидела – кроме утоптанной проселочной дороги, сбегаящей по склону горы, слабого, как у светляка на брюшке, свечения сонного городка вдалеке, а еще дальше, за золотистыми полями ржи и полевицы, – мерцающую черноту Полулунного моря, подобную звездной ночи. Дар фантазии обошел ее стороной, а кроме Уикдона, она ничего в округе не знает. И не может представить раскинувшийся за ним большой мир.

В такой вечер все в округе будут ежиться от холода, доводя до кипения густую похлебку и отрывая от буханок темного хлеба большие куски. Этот образ жалит, пусть и чуть-чуть. Одиночество Маргарет вполне устраивает – и даже более чем устраивает. Вот только мрачная перспектива вареной картошки на ужин вызывает легкую зависть. Желудок урчит, ветер вздыхает ей в затылок. Еще живые листья колышутся над головой, шумят, как набегающие на берег волны.

Ш-ш, словно говорят они. Слушай.

Воздух становится жутко, пугающе недвижимым. По рукам Маргарет пробегают мурашки. За семнадцать лет, проведенных в этих лесах, они ни разу прежде не внушали ей страха, но теперь тьма усаживается ей на кожу, толстая и уродливая, растекается по ней, словно холодный пот.

Среди деревьев, обступивших дом, ломается ветка – гулко, будто стреляет. Маргарет резко оборачивается на звук, вскинув колун и оскалив зубы.

Но поодаль стоит только ее кунхаунд Бедокур. И выглядит величественно и вместе с тем потешно с огромными наостренными ушами и блестящей шерстью медного оттенка. Маргарет опускает свое оружие, оно глухо ударяется о мерзлую землю. Должно быть, пес выскользнул за дверь, пока она не видела.

– Что ты там делаешь? – спрашивает она, чувствуя себя глупо. – Напугал ты меня.

Бедокур рассеянно виляет хвостом, но по-прежнему напряженно вглядывается в лес, подрагивая от сосредоточенности. Должно быть, и он чувствует, как потрескивает воздух, словно перед грозой. Внушает Маргарет острое сожаление, что тяжесть у нее в руках – колун, а не ружье.

– Фу, Бедокур.

Он даже взглядом ее не удостаивает. Маргарет раздраженно вздыхает, пар ее дыхания отчетливо виден в воздухе. Похоже, неизвестному запаху она не соперница. Стоит Бедокуру учуять что-нибудь, и он забывает обо всем остальном. Но на охоте цены ему нет, хоть порой на него и накатывает ослиное упрямство.

Тут до нее доходит, как давно они не бывали на охоте – и как она стосковалась по ни с чем не сравнимому охотничьему азарту. По-своему миссис Рефорд права. Жизнь – это не только попытки сохранить обветшалую усадьбу, не только растрата своего семнадцатого года на выживание. Чего миссис Рефорд никогда не поймет, так это того, что дом она старается сберечь не для себя. Для Ивлин.

Прежде чем отправиться в поездку, мать всегда говорит одно и то же: «Как только я раздобуду все необходимое для моих исследований, мы опять заживем одной семьей». Слаще

этого обещания нет на свете. На самом деле их семье уже никогда не стать прежней, но Маргарет пуще всего дорожит воспоминаниями о том, как все было *раньше*. Раньше – то есть до того, как ее брат умер, отец ушел, а алхимия выжгла всю нежность из сердца матери. Маргарет держит эти воспоминания при себе, как «тревожные камушки», бесконечно вертит в памяти, пока они не становятся гладкими, теплыми и привычными.

Каждую неделю они ходили в Уикдон за покупками, и на обратном пути Маргарет обязательно просила мать понести ее. И даже когда она уже слишком повзрослела, чтобы проситься на ручки, Ивлин подхватывала ее, ахала: «Кто же тебе разрешил так вырасти, мисс Мэгги!», и целовала, а Маргарет заливалась смехом. Мир перед ее глазами становился нечетким и пятнистым от солнечного света, она дремала в материнских объятиях, и, хотя идти до дома было добрых пять миль, Ивлин никогда не жаловалась и не спускала ее с рук.

Как только Ивлин закончит исследования, все пойдет по-другому. Они будут вместе, они снова будут счастливы. *Вот* ради чего стоит повременить с собственной жизнью. Подумав об этом, она вскидывает колун и снова бьет по чурбаку. А когда наклоняется, чтобы собрать щепки, холодок прокрадывается ей под одежду.

Смотри вон туда, шепчет ветер. *Смотри*.

Маргарет медленно поднимает глаза и смотрит в сторону леса. За спутанной ветром завесой ее волос нет ничего, кроме темноты. Ничего, кроме шепота листьев над головой, шепота, который становится все громче и громче.

А потом она видит.

Поначалу – почти ничего. Дымок, подобно лодке, проплывающий в подлеске. Обман ее помутившегося рассудка. Затем в темноте вспыхивает пара круглых немигающих глаз. За ними появляется острый нос, с которого тени соскальзывают, как вода. Словно туман над морем, белый лис величиной с Бедокура крадется в лунном свете. Маргарет никогда прежде не видела лисов вроде этого, однако она точно знает, кто это такой. Древняя сущность, древнее даже, чем секвойи, возвышающиеся над ней.

Тот самый хала.

Каждый ребенок в Уикдоне взращен на легендах о хала, а Маргарет впервые услышала одну из них за пределами дома, в тот момент, когда осознала, что их семья не такая, как все. Церковь катаристов изображает хала и им подобных, то есть демиургов, демонами. А отец говорил ей: то, что сотворено Богом, не может быть злом. Для ю'адир хала священны, они носители божественного знания.

Не повредит, если окажешь ему уважение. Маргарет стоит неподвижно.

Глаза хала сплошь белые, без зрачков, тяжесть его взгляда она ощущает как лезвие, прижатое сзади к шее. Он слегка открывает пасть, и от этого предостерегающего движения вскрикивает маленький зверек внутри у Маргарет. Шерсть на загривке Бедокура встает дыбом, у него вырывается рык.

Если Бедокур нападет, хала перегрызет ему горло.

– Бедокур, нет! – От отчаяния ее голос хрипнет достаточно, чтобы рассеять чары. Пес оборачивается к ней, явно озадаченно взмахнув ушами.

Она не успевает ни осмыслить это, ни даже моргнуть глазом, а лис уже исчез.

У нее вырывается прерывистый вздох. Ветер вторит ей, прочесывая листья с ломким, уга-сающим звуком. Пошатываясь, Маргарет подходит к Бедокуру, падает рядом с ним на колени и порывисто обнимает его за шею обеими руками. Пахнет от него противно, дрожжевой вонью мокрой псины, но он цел и невредим, а остальное не важно. Их сердца бьются в унисон, и прекраснее этого она ничего не слышала.

– Хороший мальчик, – шепчет она, ненавидя себя за сбивчивый голос. – Прости, что накричала. Прости, пожалуйста.

Что же *произошло* только что? Ее мысли проясняются, облегчение уступает место единственному пугающему осознанию. Если это существо здесь, в Уикдоне, скоро последует Полулунная Охота.

Каждую осень тот самый хала появляется где-нибудь в приморских лесах. И проводит в них пять недель, наводя ужас на выбранную территорию, пока не исчезнет вновь наутро после Холодной Луны. Никто не знает, почему он задерживается где-либо или куда уходит, или же почему его сила растет с прибыванием луны, но богатейшие жители Нового Альбиона сделали из его появления национальный вид спорта.

На время нескольких недель шумихи, предшествующей охоте, в местах ее проведения прибавляется приезжих. Охотники и алхимики вносят свои имена в списки участников охоты, и каждый надеется стать героем, который сразит последнего живого демиурга. В ночь Холодной Луны они выезжают верхом в погоню за добычей. В этих кругах властвуют алхимики, легенда гласит, что демиурга можно убить только при свете полной луны. От предвкушения охота слаще. И участники, и зрители жаждут заплатить кровью за честь добыть того самого хала в расцвете его силы. Чем больше разрушений он творит, тем острее азарт погони.

В Уикдоне охота не проводилась почти двадцать лет, но Маргарет слышала обрывки рассказов о ней, которыми обменивались на пристани. Захлебывающиеся лаем собаки, доведенные до бешенства магией, грохот выстрелов, неистовое ржание коней, разорванных, но еще живых. С самого детства Маргарет эта охота была для нее не чем иным, как кровавым вымыслом. Делом истинных новоальбионских героев, а не деревенской девчонки, отец которой – ю’адир. *Реальной* охота не была никогда. И вот теперь явилась сюда.

Так близко, что можно внести в список свое имя. Достаточно близко, чтобы победить.

Мысль о том, как она разочарует отца, наносит ей болезненный укол, но разве она в долгу перед ним теперь? Будучи ю’адир лишь наполовину, она не вправе претендовать на родство с тем самым хала. И потом, возможно, убив его ради благой цели, она выразит ему особое уважение. Маргарет не стремится к тому, чтобы ее имя прославляли в кабаках, она никогда не желала признания ни от кого, кроме матери.

Она закрывает глаза, и силуэт Ивлин возникает на фоне солнца, вытесняющего мрак. Она повернулась спиной к усадьбе, в руках у нее чемоданы, волосы золотистой лентой выются на ветру. Уходит. Вечно уходит.

Но если Маргарет победит, может, этого хватит, чтобы убедить ее остаться.

Большой приз – это деньги, слава и тушка того самого хала. Большинство охотников сочло бы ее трофеем, достойным, чтобы набить чучело и выставить на видное место. Но Ивлин она нужна для исследований, чтобы завершить труд всей ее жизни алхимика. По словам матери Маргарет, давно почившие мистики выдвинули гипотезу, согласно которой первовещество, основу всего, что существует в мире, можно выделить, если сжечь в алхимическом пламени кости демиурга. Из этого божественного эфира алхимик способен создать философский камень, дарующий бессмертие и способность создавать материю из ничего.

В катаризме любые попытки выделить первовещество считаются ересью, поэтому, кроме Ивлин, никто из новоальбионских алхимиков таких исследований не ведет. Создать философский камень – ее единственное исключительное стремление. Долгие годы она охотилась за немногочисленными манускриптами, в которых объясняется суть процесса, и три месяца назад покинула страну, чтобы проверить, не приведет ли к цели новая ниточка. А теперь тот самый хала, последняя составляющая ее поисков, наконец здесь.

Бедокур высвобождается из объятий Маргарет, выводит ее из раздумий.

– Нет, не уйдешь, – она хватает его за уши, звонко чмокает в макушку. Пес смущается, Маргарет не может сдержать улыбку. Дразнить Бедокура – одна из считанных радостей ее жизни.

Когда она наконец отпускает пса, тот негодуя встряхивает ушами и отскакивает подальше. И застывает, вскинув величественную голову и свесив язык, одно ухо вывернулось

розовой изнанкой наружу. Впервые за много дней Маргарет смеется. На самом деле он любит ее, просто старательно скрывает это – гордое, полное достоинства существо. А Маргарет любит его бесхитростно, открыто и гораздо сильнее, чем что-либо еще в этом мире.

Эти мысли отрезвляют ее. Бедокур – прекрасный охотничий пес, но он уже немолод. Рисковать его жизнью ради глупой затеи вроде участия в охоте она не готова. У нее нет времени на подготовку, ей едва хватит денег заплатить за участие, у нее нет связи с алхимиками, которым она может довериться, как нет и знакомых алхимиков, заслуживающих доверия. Участвовать в охоте разрешается лишь командам из двух человек – меткого стрелка и алхимика.

И кроме того, существует только один верный способ убить демиурга, известный ей. Для него нужна алхимия... Но она скорее умрет, чем увидит, как кто-то вновь пробует применить ее.

Даже если есть другой способ, не важно. Если кто-нибудь узнает, что девчонка-ю'адир участвует в охоте, ее жизнь превратится в кошмар. До сих пор она выживала лишь потому, что держала язык за зубами. Лучше уж так, думает она. Лучше сразу перерезать горло слабой надежде, чем дать ей захапнуть, как волку в капкане. В самой глубине души Маргарет уже знает, чем кончится подобная история. И что случается с людьми, которые стремятся к недосягаемому. Может, в другой жизни она и осуществит мечту. Но не в этой.

Погоня за этим лисом не принесет ей ничего, кроме гибели.

2

Уэса будит резкая боль во лбу, которым он ударяется об холодное стекло.

Такси рывком преодолевает ухаб на дороге, сбой в работе двигателя подозрительно напоминает смешок. Уэс шепотом чертыхается, потирает лоб, словно устраняя расцветающую в голове боль, а потом краем рукава осторожно промокает скопившуюся в углу рта слюну.

Улицы Пятого Околотка тоже испещрены выбоинами и содержатся отнюдь не в лучшем порядке, но это уже ни в какие ворота не лезет. Ему говорили, что от железнодорожной станции до Уикдона полтора часа езды, а при таких условиях можно считать, что ему повезло, если он не заработает сотрясение мозга к тому времени, как прибудет к порогу Ивлин Уэлти.

– Ты там проснулся? – Таксист Хон, везущий Уэса, ухмыляется, взглянув на него в зеркало заднего вида.

У Хона, мужчины средних лет, добродушное обветренное лицо и светлые усы с аккуратно загнутыми кончиками. На то, чтобы заплатить ему за поездку, у Уэса ушли почти все сбережения. Если все пойдет как было задумано, возвращаться в большой город ему еще не скоро.

– Ага, – с натужной бодростью отзывается Уэс. – Пасторально здесь все, да?

Хон смеется.

– За пределами Уикдона ни машин, ни мощеных дорог почти нет. Надеюсь, верхом ты ездить умеешь.

Уэс не умеет. Из лошадей он видел только громадных медлительных зверюг, которые возят по парку экипажи, полные богачей. И потом, он почти уверен, что за уроки верховой езды, если бы кто-нибудь узнал о них, ему полагалась бы взбучка. Ребята из Пятого Околотка не ездят *верхом*.

Это ученичество уже подвергает его испытаниям, еще не успев даже начаться.

Не жалуйся, напоминает он себе. В этой глухомани он очутился по собственной вине. Преимущественно. Отчасти. Слегка.

За последние два года Уэс сменил столько учителей алхимии, что сбился со счета. Когда его выгнали в первый раз, мама разгневалась и обиделась за него. Во второй раз – разгневалась *на* него. В третий потрясенно молчала. Так и продолжалось: гнев сменялся замешательством вплоть до минувшей недели. Когда он объявил ей, что уезжает в Уикдон, она усадила его за обеденный стол и сжала его ладони так нежно, что он не сразу вспомнил, что должен всем видом выразить недовольство.

– Я люблю тебя, а *thaisce*¹. Ты ведь знаешь. Но ты не думал, что, возможно, не создан быть алхимиком?

Разумеется, к тому времени об этом он уже думал. Мир твердо вознамерился как можно чаще напоминать ему, что настоящим алхимиком сыну банвитянских эмигрантов никогда не стать. Но думал он об этом не дольше минуты и лишь когда в очередной раз замечал седой волос в материнской прическе.

Порой ему кажется, что было бы легче получить работу где угодно, заниматься чем угодно, чтобы его родным больше не пришлось страдать. С тех пор как с его отцом произошел несчастный случай, Уэс каждый вечер видел, как мама возвращается домой после дополнительной проработанной смены и парит руки в горячем парафине. Видел, как худеет самая младшая из сестер, Эди, и ожесточается самая старшая, Мад. Чуть ли не каждую ночь он лежит без сна, гадая, что с ним *не так*: почему он не в силах удержать в памяти больше половины прочитанного, почему не в состоянии догадаться о значении незнакомых слов, почему никакой

¹ Сокровище (*ирл.*) – Прим. пер.

талант, доставшийся от природы, и увлеченность не искупают его «пределы» в глазах наставников. При этом его тошнит от возмущения, тревоги и отвращения к себе.

Уэсу известно, что он наделен природной магией, умением творить чары более тривиальные, нежели алхимия. Когда он говорит, люди слушают. И хотя этот дар уже не раз обеспечивал ему ученичество, он ничем не помог сохранить его. Стоит ему провалить единственный письменный экзамен, и он видит в глазах наставников понимание, будто они только и ждали, когда он подтвердит их подозрения. Они всегда заявляют одно и то же: *поделом мне, не надо было давать такому шанс*. Ясно, что они имеют в виду, цедя сквозь зубы «такому», хоть напрямую этого и не говорят. *Банвитянину*.

В Дануэе и его окрестностях уже не осталось влиятельных алхимиков со связями, которые еще не выгнали бы его из учеников – или не уведомили заранее, что «кандидатам из Банвы не утруждаться». Ни единого, кроме Ивлин Уэлти, обосновавшейся в городке настолько крохотном, что его даже не указали на карте.

От нервов и тряски в машине его мутит. Он опускает стекло и подставляет лицо ветру. Небо над головой раскинулось такое обширное и синее, что ему кажется, он утонет в нем, если сделает вдох поглубже. В городе все единообразно серое: и смог, и бетон, и гладь залива. А здесь ландшафт меняется так быстро, что не уследишь. Зубчатые утесы у побережья одеты в колючий кустарник и какие-то голубые цветы. Чуть дальше вечнозеленая растительность плавно сменяется устремленными ввысь секвойями. Уэс невольно думает, что вздернутые ветки елей похожи на средние пальцы.

Узнав, куда он едет, соседи разразились потоком дежурных фраз: «Городишка! Там же мало что происходит» или «Ну, зато воздух чистый». Из всех откликов, высказанных ему явно с благими намерениями, обещание чистого воздуха оказалось самым лживым. Да, загрязнения воздуха здесь нет, но у него привкус соли – и не только: со стороны берега, лежища сотен тюленей, несет высушенными солнцем водорослями и гниющей рыбой.

Это к слову об очаровании провинции.

Он вдруг спохватывается, что ветер растреплет ему волосы, которые сегодня утром он так старательно зачесывал назад под терпеливым руководством сестер. Закрыв окно, он смотрит на себя в зеркало. К счастью, прическа не пострадала. Кристина и Коллин буквально приклеили ее к голове, неизвестно, сколько геля извели. Ничто, ни единый выбившийся волосок не лишит его шанса произвести безупречное первое впечатление.

– Так что, Хон, – говорит Уэс, – часто вы бываете в этих краях?

– Когда помоложе был, бывал часто. Здесь же лучшая лисья охота в графстве. И если слухи не соврали, в следующие несколько недель Уикдон ждет *та самая* охота. Впервые с тех пор, как я был в твоих годах.

Почти все графство словно с цепи сорвалось из-за *той самой* охоты, как выразился Хон. Уэс не считает себя особо преданным приверженцем сумизма, но даже ему с его свободной моралью сама идея Полулунной Охоты кажется кошунством.

Согласно сумистской традиции, Бог вырезал демиургов из своей плоти. Они представляют собой воплощение его божественности и как таковые заслуживают и благоговейного страха, и почтения. Мама зарывает их статуэтки в горшки с цветами и с любовью вешает их иконы на стены. Порой она бормочет им молитвы, если потеряла что-нибудь, или просит их замолвить за нее словечко перед Богом, ведь сам он слишком занят, чтобы откликаться на просьбы. Катаристы сочли бы почитание такого рода в лучшем случае идолопоклонством, а в худшем – ересью. То же презрение привлекает их в эмигрантские районы и побуждает швырять камнями в витражные окна сумистских храмов.

Уэс не знает точно, о чем думает Хон или какому богу поклоняется, если поклоняется вообще. Но он не хочет, чтобы его выкинули из машины, поэтому он переспрашивает:

– Правда?

– Сказать по чести, других причин приезжать сюда, почитай, и нету. – Уэс ловит оценивающий взгляд Хона в зеркале. – Не хочу тебя обидеть, сынок, но не похож ты на охотника. Что привело тебя сюда?

– Никаких обид. Я алхимик, – Хон издает одобрительный возглас. – Вообще-то, ученик Ивлин Уэлти, – добавляет Уэс.

Всего-навсего ложь упущения. Магистр Уэлти так и не ответила на его письмо, но ведь ему известно, как она занята. Всякий раз, когда он добивался ученичества, ему удавалось сделать это при личной встрече. И хотя ему страшно, что его обаяние почти иссякло, он полагает, что этого обаяния хватит, чтобы в последний раз добиться своего.

– Ивлин Уэлти, да? Тогда удачи тебе.

По разумению Уэса, удача ему понадобится.

– Спасибо.

Он уже успел послушаться всякого. Никто из ее учеников не задерживается у нее дольше двух недель. По ночам в коридорах Уэлти-Мэнора бродят призраки. Ивлин жива одним только фотосинтезом. И так далее и тому подобное. На собственном опыте он убедился, что все алхимики не без странностей. Строго говоря, алхимией способен заниматься каждый, однако нужно быть одержимым, чтобы этого *хотеть*. Алхимики годами анализируют мистические тексты и до отказа набивают головы химическим строением тысяч вещей. Для того чтобы разъять что-либо на части, надо в точности знать, как оно устроено. А может, все они в конце концов сходят с ума от серных паров.

Так или иначе, здесь нет ничего такого, с чем бы он не справился. В случае необходимости будет война на истощение. В противостоянии воли Уэс никогда не проигрывал.

Наконец-то они прибывают в лоно цивилизации. Угнездившийся в изгибе долины Уикдон выглядит именно таким очаровательно-старомодным, как ожидалось. Свет от фигурных уличных фонарей заливают булыжную мостовую, живописные яркие коттеджи и лавки выстроились вдоль улиц. Гирлянды в витринах мягко поблескивают в дымке, освещая соблазнительно выставленные напоказ выпечку, овощи и фрукты, и больше чучел и оружия, чем найдется в ином военном музее. Что особенно поражает Уэса, так это полное отсутствие лабораторий алхимиков. В Дануэе их не меньше двух в каждом квартале: ювелиры торгуют вразнос заговоренными кольцами, в ресторанах подают еду, обещающую многообразие воздействий на психику, заводы полны мастеров, производящих прочную и легкую сталь, благодаря которой новоальбионская армия считается настолько грозной.

Пока машина с тархтением тащится через центр города, местные приоткрывают входные двери и раздвигают занавески, чтобы посмотреть, как она проезжает мимо. Миловидная молодая женщина, подметающая улицу перед своей лавкой, встречается с Уэсом взглядом. Он невольно расплывается в широкой непринужденной усмешке. Женщина отворачивается, будто вообще не желает его видеть. Уэс с несчастным видом прижимается лицом к стеклу, холод которого ранит так же больно, как отказ. Он расстроен сильнее, чем готов признаться. Дома его знают. Там его любят. Его любят *все*.

Или любили до нынешней череды неудач.

Он ждет, что они остановятся возле одного из этих симпатичных, крашенных в яркие цвета домов вдоль главной улицы, но машина все едет и едет по ней к окраине города. Все реже попадаются фонари, распространяющие теплый свет, машину резко подбрасывает при выезде на проселочную дорогу. Уэс смотрит в заднее окно, где слабо светится сквозь выхлопы Уикдон.

– Послушайте, куда мы едем?

– В Уэлти-Мэнор. Ивлин живет чуть поодаль.

По дороге с крутыми подъемами и спусками они едут в горы, на подъемах двигатель протестующе взывает. Уэс находит в себе смелость снова оглянуться на городок вдалеке и безбрежную ширь океана за ним. Вода потемнела до стального оттенка, ее пронизывают сол-

нечные лучи цвета ржавчины. Секвойи скоро заслоняют обзор, и машина, проехав несколько тошнотворно извилистых миль под их устремленными ввысь стволами, со скрежетом останавливается перед одиноко стоящим домом из красного кирпича.

Густые плети плюща карабкаются по стенам, цветущие дикие растения выплескиваются из садовых клумб, как пиво из крана. Щепастая дощатая калитка обвисает на петлях жестом не столько радушия, сколько мольбы о помощи. Уэлти-Мэнор выглядит как место, не предназначенное для людей – его явно намерена отвоевать себе природа.

Уэс выбирается из машины и вглядывается в окно второго этажа, за которым горит лампа. Холод ощущается здесь гораздо сильнее, чем в Дануэе, когда он уезжал этим утром, – неестественный холод, даже с учетом морского воздуха и высоты. И так тихо, слишком тихо. Ему уже недостает дануэйского шума. Постоянного гула транспорта, негромких шагов соседей сверху. Дома всегда слышно, как копошится на кухне мать, как препираются у себя в комнате сестры. А здесь единственный звук – далекие вскрики неведомой ему птицы.

Прежде чем новый дом успеет вселить в него подавленность, Уэс помогает Хону выгрузить вещи из багажника. Все его пожитки уместились в три обшарпанных чемодана и наплечную сумку с потертым ремнем.

– Помочь занести в дом? – спрашивает Хон.

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я справлюсь сам.

Хон отвечает ему скептическим взглядом, выуживает из нагрудного кармана визитку и вручает ему. Имя и телефонный номер Хона, напечатанные на карточке, выцвели, словно она пролежала в кармане пиджака несколько лет.

– Если тебе опять понадобится машина...

– Я знаю, кому звонить. Благодарю, сэр.

Хон хлопает его по плечу, слегка пожимает. Так по-отцовски. Уэс судорожно сглатывает от внезапного укола горя.

– Ну, ладно тогда. Удачи.

Пригнув голову, Хон садится обратно в машину и задним ходом выезжает с дорожки. Тьма соскальзывает в пустоту, оставшуюся после света фар, и пока она окутывает Уэса, ему кажется, будто за ним наблюдают. Он с беспокойством поднимает глаза к окну второго этажа, где в свете камина, кажется, мелькает призрачный силуэт.

«Возьми себя в руки, Уинтерс».

Он поднимается по стонущим ступеням веранды и останавливается лицом к лицу с красной входной дверью. Еще никогда в жизни он не нервничал так, как сейчас, – впрочем, на этот раз он впервые может так много потерять в случае неудачи. На всякий случай он приглаживает волосы и улыбается собственному отражению в оконном стекле до тех пор, пока не сгоняет с лица выражение отчаяния, от которого бросает в пот. Все в порядке. Он тысячу раз репетировал свою речь. Он готов. Выпятив грудь, он стучит в дверь и ждет.

И ждет.

И ждет.

Порывы ветра проносятся по веранде, пробираются под его вытертое пальто, не встречая сопротивления. Здесь чертовски холодно, и чем дольше он стоит у двери и дрожит, тем больше убеждается, что у самой опушки леса кто-то притаился. Шорох сухих листьев во дворе слишком уж похож на шепот, по его мнению. Он слышит, как в этом шепоте вновь и вновь повторяется его имя.

«Уэстон, Уэстон, Уэстон».

– Пожалуйста, открой, – бормочет он. – Ну пожалуйста.

Но никто не выходит. Может, Ивлин нет дома. Да нет, не может быть. Наверху же горит свет. Может, она его не слышит. Да, наверняка. Она его не слышит.

Он стучит еще раз, и еще, и секунды тянутся вечно. А если она вообще не откроет? Если она переехала? Или *умерла* и теперь гниет рядом с тускло горящей лампой? Он был исполнен такой целеустремленной решимости, что ему и в голову не приходила мысль о неудаче. А затея с самого начала была рискованной – теперь-то он понял, что из-за нее он мог очутиться брошенным на произвол судьбы. Эта мысль настолько тревожна и унизительна, что он настойчиво колотит в дверь. И на этот раз слышит шаги на лестнице.

«*Наконец-то*».

Дверь открывается, он невольно ахает. На пороге стоит девушка. В тусклом свете на веранде она похожа на героиню поэм, которые он читал в школе, прежде чем бросил ее, или на *aos sí* – сидов из материнских рассказов. Его глаза приспособляются к свету, лицо незнакомки мало-помалу обозначается яснее. Ее волосы распущенные и золотистые. Ее кожа белая, как сливки. Уэс собирается с силами, готовясь к неизбежным мукам любви.

Но на этот раз их удастся избежать. При ближайшем рассмотрении девушка оказывается не настолько прекрасной и гораздо более простой и строгой, чем он ожидал. Не говоря уже о том, что она, если верить журналам его сестер, вопиюще старомодна со своими длинными волосами и длинным подолом. Поджав тонкие, с опущенными вниз уголками губы, она смотрит на него из-под тяжелых век, как на самую гадкую, невзрачную тварь, какая когда-либо заползала на ее крыльцо.

– Чем могу помочь? – Голос у нее такой же невыразительный и ледяной, как и взгляд.

– Вы... это *вы* Ивлин Уэлти?

– Нет, – это слово камнем падает между ними.

Само собой, никакая она не Ивлин Уэлти. Она же с виду не старше его. Он поспешно продолжает:

– Она дома? Меня зовут Уэстон Уинтерс, и...

– Я знаю, зачем вы здесь, мистер Уинтерс. – Судя по ее тону, она, должно быть, приняла его за торговца чудодейственными снадобьями. – Моя мать уехала на исследования. Сожалею, что вы зря потратили время.

Эти слова звучат так категорично, так сурово, что он едва успевает оправиться к тому времени, когда она начинает закрывать дверь.

– Подождите!

Она оставляет в двери щель шириной не больше дюйма, и даже сквозь нее Уэс видит, как нарастает напряжение в ее плечах. Панику он еще не преодолел, но уже видит, как извлечь из положения выгоду. Такой заминки, как отсутствие Ивлин, он не предвидел, но с этим можно разобраться, как только он водворится здесь. Успех его самой распоследней попытки ученичества находится в руках дочери Ивлин, и, судя по ее виду, ей совершенно безразлично, чего он хочет или что с ним будет. Никаких зацепок она ему не дает – ни улыбки, ни тепла. Только безучастно тарашит на него глаза цвета виски. Под этим взглядом у него из головы улечучиваются все связанные мысли.

– Итак... – Он готов схватиться за что угодно, лишь бы не дать ей оборвать разговор. – И зачем *же*, по-вашему, я здесь?

– Вы здесь, чтобы просить взять вас в ученики.

– Ну-у... Вообще-то да. Я писал ей несколько недель назад, но она не ответила.

– В таком случае вам следует научиться читать между строк.

– Если вы только позволите мне объяснить...

– Мне уже все понятно. Вы настолько высокого мнения о себе, что даже собственную неорганизованность не считаете препятствием на пути к тому, чего хотите.

– А вот и нет!.. – Уэс набирает побольше воздуха. Потеря самообладания не сулит ему ничего хорошего. – По-моему, у вас сложилось обо мне совершенно превратное впечатление. Позвольте начать заново.

Она молчит, но и не уходит, и он решает принять это за поощрение.

– Я хочу стать сенатором, – он делает паузу, пытаясь оценить ее реакцию. Однако она по-прежнему удручающе бесстрашна. – Больше всего шансов у меня добиться этого с помощью ученичества. Моя семья бедна, мне пришлось бросить школу, так что в университет мне никак не попасть, разве что с рекомендательным письмом.

Политиками могут становиться только алхимики. Это закон, пусть и неписанный. Несмотря на то что Новый Альбион отстоял свою независимость как демократическое государство почти сто пятьдесят лет назад, аристократия все еще жива, только под маской. Уэс не может припомнить ни единого избранного за последние десять лет политика, который не был бы выпускником университета, не имел бы сплошь приверженцев катаризма в родословной и связей в кругах других богатых и высокообразованных людей. Ему, как уроженцу Банвы, достойная родословная не светит, даже если он сменит веру, но выкарабкаться и стать приемлемым для избирателей он может другим способом.

– В столице полно алхимиков, – говорит девчонка. – Вам незачем было ехать в такую даль.

Спрашивать, как она узнала, что он из столицы, не имеет смысла. Его выдает выговор.

– Все столичные алхимики мне отказали. – Признаваться в этом больно, но он признается. – Ваша мать – мой последний шанс. Мне больше некуда идти.

– Если вы уже потерпели неудачу в ученичестве, здесь вы тоже не удержитесь. Моя мать не выносит бездарностей.

– Я буду стараться усерднее, чем любой ее ученик. Клянусь.

– Господин Уинтерс.

Ее голос – закрывающаяся дверь.

«Думай, Уинтерс. Думай, будь ты проклят». Это его шанс. Его *единственный* шанс. Сострадания в этой девчонке ни на грош, так что вряд ли он разжалобит ее душещипательной речью о желании бороться с несправедливостью и коррупцией в правительстве. Значит, остается лишь то, что ему особенно удастся. Даже такой, как она, не устоять перед обаянием.

Он прислоняется к дверному косяку и самым своим обольстительным голосом произносит:

– А может, поговорим в доме? Должно быть, тоскливо вам здесь совсем одной, а я проделал такой долгий путь...

Дверь захлопывается у него перед носом.

– Какого черта?! Нельзя же просто взять и!..

А она смогла. Уэс запускает обе пятерни в волосы, лохматит склеенные гелем пряди. Какая теперь разница, как он выглядит? Все его пожитки разбросаны на подъездной дорожке у дома. От сбережений почти ничего не осталось, и хотя мама на прощание сунула ему немного денег, у него рука не поднимется потратить их. Она и так слишком многим уже пожертвовала – и все ради того, чтобы он узнал, что Ивлин Уэлти даже нет дома.

Нет, домой ему нельзя. Он сгорит со стыда.

Собравшись с жалкими остатками достоинства, Уэс спускается с веранды, чтобы взять вещи. Три чемодана. Одна сумка. Две руки. Пять миль обратного пути до городка. Сколько ни считай, ничего не складывается. Слыша, как вдалеке рокочет гром, Уэс ищет в себе тот самый оптимизм, за который так часто высмеивает его самая старшая из сестер, Мад.

Баловень, называет она его. *Идеалист*. Как будто это что-то *плохое*.

Всего на один миг он переносится из глуши, где трясется от холода и досады, обратно в Дануэй. Сидит вместе с Мад на пожарной лестнице, где она смолит уже третью сигарету.

Прошлой ночью они хмуро попрощались. Он помнит, как подумал, что больше вообще не узнает ее. Несколько недель назад она подстриглась, изо всех сил стараясь походить на модных девчонок с короткими стрижками и в платьях с заниженной талией. После поздней смены

в баре от нее пахло табаком и спиртным, она явно опять злилась на него, хоть и не признавалась. Подсказками ему служили детали: по-боксерски ссутуленные плечи, курение одной сигареты за другой, злой блеск в глазах, когда она наконец удостоила его взглядом.

Вот что ему ненавистно – ненавистно, что родная сестра считает его эгоистом, думает, что нынешнее его ученичество кончится так же, как все предыдущие, и что все это он делает лишь для того, чтобы уклониться от своих обязанностей. Так продолжается с тех пор, как умер отец. Они раздражают друг друга сильнее, чем любят. И он понятия не имеет, как это у них выходит. Знает только, что еще минуту назад они разговаривали, и вдруг уже орут – во всяком случае, насколько это возможно, орать шепотом. За стеной спит Эди, и никому из них не хочется вновь проходить через весь ритуал укладывания в постель.

«Какой же ты урод, Уэс, – наконец огрызается она. – Если тебе чего-то хочется, это еще не значит, что ты имеешь полное право это что-то получить».

Пусть Мад превратно толкует его намерения сколько ее душе угодно, но алхимия никогда не была для него мечтой, за которой он гнался ценой семьи. Все это он делал ради того, чтобы у них появился выход, – ради лучшей жизни каждой такой семьи, как у него. И теперь больше, чем когда-либо, Уэсу хочется доказать, как не права Мад. Он пешком пройдет все пять миль до города, сдохнет, но пройдет. И если понадобится, будет возвращаться сюда каждый день, пока не заставит дрогнуть дочь Ивлин Уэлти.

3

К утру Уэс успевает приучить себя к жгучей боли отказа и приготовиться *опять* неприкажно брести все пять миль по холоду. Он слишком далеко зашел, чтобы его остановила какая-то девчонка вроде дочери Ивлин Уэлти. Только бы ему позволили рассказать о положении его семьи более чем в трех словах, и она ему уже не откажет. Вот единственная разновидность алхимии, которой он владеет в совершенстве: прясть слова, превращая их в чистое золото. Смягчать девичьи сердца.

Он вновь расчесывает волосы, умиряя их, прилизывает гелем, чтобы не падали на лицо, застегивает пуговицы рубашки, которую отутюжила для него Кристина. Если не считать укороченных волос, в зеркале он похож на себя. А он не желает быть похожим на себя. Он хочет выглядеть как алхимик, как тот, кого принимают всерьез.

Он распускает узел галстука и завязывает его вновь – туже, элегантнее. Облаченный в подходящие доспехи, встречается с собственным взглядом в зеркале.

– Ты можешь сделать это. Ты должен. Если тебе придется сказать маме, что тебя снова отправили домой. . .

Он не в силах даже договорить. Если он еще раз увидит на милом мамином лице разочарование, он умрет. Уэс поскорее старается вообразить себя любимым учеником Ивлин, демонстрирует матери свое мастерство и видит, как ее лицо озаряет свет восхищения. Он представляет, как читает ей хвалебное рекомендательное письмо – то самое, с которого начнется его долгая и многоступенчатая карьера политика. Представляет самого себя в дорогом, сшитом на заказ костюме – не каком-нибудь там готовом из тех, что заказывает ему по каталогам Мад, – и синем атласном галстуке; он стоит на трибуне, задрапированной флагом Нового Альбиона. С этой трибуны он произнесет проникновенную речь, и пресса будет щелкать затворами фотоаппаратов, пока вспышки не сольются в ослепительное сияние. Он будет улыбаться смущенно розовеющим прекрасным женщинам, и все, кто сомневался в нем, все, кто когда-то звал его лоботрясом, выпивохой или неотесанным банвитянином, выстроятся в ряд, чтобы пожать ему руку. А потом он приложит все старания, чтобы разогнать националистическое правительство, действуя изнутри.

Когда он позволяет себе помечтать, будущее видится розовым.

Однако холодная реальность настоящего обрушивается на него, едва он успевает выйти из гостиницы «Уоллес-Инн». Здоровенная капля срывается с карниза и плюхается ему на макушку. Передернувшись, он надвигает поглубже плоскую шерстяную кепку и плетется по улице, волоча свои чемоданы.

Ночью шел дождь, булыжники, словно торт глазурью, облиты льдом, который сверкает и переливается при свете раннего утра. В воздухе клубится пар, негустой и мельтешащий, как сетчатая основа кринолина, вуалью скрадывает пестро и весело раскрашенные дома вокруг площади. В спину Уэса ударяет студеной ветер, налетевший с океана и принесший с собой запах соли. Уэс пробирается в сгущающихся толпах и уворачивается от медленно движущихся машин, колеса которых взбивают лужи в грязь. Люди с чемоданами выходят из такси, потоком выливаются с пристани вместе с повозками, полными блестящей серебристой рыбы.

Значит, Хон сказал правду. Охота прибывает.

Сумистское чувство вины не дает ему даже всерьез задуматься об участии в охоте, но избежать мыслей о ней полностью невозможно – столько вокруг статей в журналах и радиопередач, вызванных ею. Это же почти общенациональное времяпрепровождение, по крайней мере, для людей достаточно шикарных, чтобы интересоваться лисьей охотой, – или настолько патриотически настроенных, чтобы гордиться историей колонизации Нового Альбиона поселенцами. Ближайшие пять недель богачи со всей страны тысячами будут прибывать сюда ради

участия во всех этих выставках собак, скачках и празднествах, предшествующих охоте. К концу этого срока зрители выбьются из сил, опустошая собственные кошельки и грозя смертью тому самому хала. Лишь самые упорные из них будут следовать верхом за гончими, вместо того чтобы лечиться от похмелья. И как минимум несколько погибнут, потому что слишком приблизились к добыче.

Насколько слышал Уэс, то еще зрелище. Возбуждение, от которого уже гудит воздух, опьяняет, а слава, которую сулит победа, – особенно, но он не намерен поступаться своими нравственными принципами и участвовать в охоте: не для того он сюда приехал.

Продолжая идти быстрым шагом, Уэс сворачивает на сонную боковую улочку. Возле своих домов местные жители в теплых куртках сгребают граблями листья, сорванные бурей. Уэса провожают взглядами – по его мнению, лишь потому, что он выглядит по-дурацки, навьюченный чемоданами, как мул. В конце квартала какой-то мужчина, стоящий в окружении дерюжных мешков, набитых растительным мусором, взмахом руки останавливает его.

Он опирается на ручку граблей.

– Заплутал? В этой стороне гостиниц не найдешь.

– Нет, сэр. Не заплутал, сэр, – вернее, не совсем. – Уэс мысленно молится, чтобы ему не начали объяснять, куда идти. Все указания неизбежно выветрятся из его памяти, просочатся, как вода сквозь сито. Вдобавок он часто путает «лево» и «право». – Просто иду к дому моего учителя.

– В Уэлти-Мэнор путь держишь, стало быть? Долго же тебе еще идти.

Уэс поднимает лицо к грозящему дождем небу.

– Денек в самый раз для прогулки.

Его собеседник добродушно улыбается, но Уэс отчетливо различает под этой улыбкой жалость.

– Вот что я тебе скажу. Я сюда только на одно утро пришел, помочь миссис Эддли управиться с граблями, а домой мне в ту же сторону, что и тебе. Погоди здесь минутку.

Так Уэс и оказывается сидящим сзади в повозке Марка Халанана, пристроившимся на сиденье из багажа и пустых мешков из-под зерна. Курица восседает у него на коленях и довольно квохчет, а Халанан ведет своего пони по дороге к Уэлти-Мэнору. Уэс всеми силами старается не подавать виду, как его мутит от сильной тряски по проселочной дороге.

– Давненько в городе не видали учеников Ивлин, – говорит Халанан. – Как появляются, так и пропадают.

– Вот и я слышал. – Отклик звучит мрачнее, чем ему хотелось бы. Непрочная уверенность в себе, которую он недавно сумел призвать на помощь, кажется, уже дает трещину.

Халанан, должно быть, замечает, как приуныл его пассажир, потому что меняет тему:

– Вовремя ты прибыл. Скоро начнется запись на охоту. Участвовать-то будешь?

– Я?.. Даже не знаю.

– Церемония открытия через два дня. А потом у тебя будет еще две недели, чтобы решить.

– Честно говоря, по-моему, я для этого не гожусь.

– Мыслишь здраво. Это хорошо.

Уэсу, кажется, еще ни разу не говорили, что он мыслит здраво. Ему нравится.

– Спасибо. Стараюсь.

– Как бы там ни было, а я рад, что есть люди, которые готовы на это ради Бога, страны и так далее. Кто-то же должен его убить. Эта тварь опасна.

Уэс готовится выслушать назидательную речь.

– Что вы имеете в виду?

– А ты сам погляди.

Они как раз переваливают через гребень холма, Халанан указывает в сторону поля. Высокая золотая рожь на нем проросла ядовито-зеленой, почти как абсент, травой. На высоком скалистом берегу высятся бок о бок церковь в простом стиле катаристов и особняк, и Уэсу требуется все самообладание, чтобы не прищелкнуть языком. Такой сумасбродной роскоши он еще никогда не видел.

На ухоженном земельном участке разбит впечатляющих размеров яблоневый сад, но кажется, будто даже воздух свисает с веток деревьев в нем как-то не так. Почерневшие, скукоженные листья трепещут на них, как рваные флаги. Пока повозка едет мимо, Уэс улавливает запах гниющих плодов и серы. Почти все яблоки попадали с деревьев, раздутые, истекающие гноем, словно чирьи. От этого зрелища Уэс холодеет. Он всегда знал, что хала страшен, но раньше он был для него лишь персонажем сказок на сон грядущий, которые мама рассказывала им, пребывая в мрачном настроении, – главным образом, чтобы запугать их и заставить читать молитвы.

«Он здесь для того, чтобы напоминать нам: Бог всегда с нами. – Для пушного эффекта она выдерживала паузу и многозначительно добавляла: – И всегда начеку».

Согласно сумистским верованиям, демиурги научили людей алхимии. Уэс в это так и не поверил. Но характерная вонь серы в воздухе и черный порошок, покрывающий траву, – побочные продукты алхимической реакции. Он по-прежнему сомневается в том, что хала – плоть, сотворенная Богом, но теперь твердо знает: всякий, кто записался на Полулунную Охоту, как минимум наполовину спятил.

– Хотите сказать, лис сделал вот *это*?

– Необычный лис, как и охота на него. – Халанан, помолчав, продолжает: – Молодежь в нетерпении. Наверное, за всю их жизнь в Уикдоне не было так оживленно. Думают, всего-то и надо, что скакать охотничьим аллюром да стрелять, но они не видели того, что повидал я. Сегодня было погублено одно поле, а как только охота приблизится, станет еще хуже.

– Проще было бы застрелить его прямо сейчас, – бормочет Уэс. Но даже если бы хала можно было убить до Холодной Луны, победа ничего не значит, если она не добыта в ожесточенном бою. Чем опаснее чудовище, тем блистательнее герой, сразивший его.

– Ну и что в этом хорошего? – морщится Халанан. – Негодование оправдывает их действия в их собственных глазах. Устроители охоты возмещают нам ущерб, нанесенный в минуты безумия, но некоторые потери деньгами не восполнишь. Когда я был в твоих годах, одного младенца похитили прямо из колыбели. В тот год никто не желал победы над хала больше, чем отец похищенного, но тот в конце концов всегда ускользает.

– А-а. – Наслушавшись ужасов, Уэс только это и может сказать.

– Вообще-то, на мой взгляд, Харрингтоны вполне могут позволить себе в этом году неурожай. Маленькая трагедия на пользу фигуре.

Уэс не спешит согласиться с ним, хотя о Харрингтонах не знает ничего, кроме их очевидного богатства. Однако на своем веку он выслушал столько нотаций, что научился держать язык за зубами, когда надо.

В непринужденном молчании они продолжают путь, пока впереди не появляется усадьба с ее низкой деревянной изгородью. При дневном свете она выглядит еще мрачнее и уединеннее, окутанная серебристым туманом, спускающимся по склону горы. Халанан щелкает языком, и пони послушно останавливается перед воротами.

Уэс соскакивает с повозки и начинает выгружать свои вещи. Убедившись, что ничего не забыл, он протягивает Халанану руку, которую тот принимает, серьезно кивнув.

– Спасибо, что подвезли.

– Удачи вам, мистер Уинтерс. Передайте привет от меня Мэгги, ладно? Скажите, пусть обращается в случае чего.

Мэгги. Должно быть, та самая девчонка, которую он видел прошлым вечером, дочь Ивлин. Страх скручивается в нем тугой пружиной.

– Обязательно передам, сэр.

– И знаешь что, сынок? О шалостях даже думать забудь. У этой девчонки и без того полно забот.

Странное, жутковатое предостережение. А Марк Халанан, несмотря на добродушное лицо, крупный и рослый, и он смотрит на Уэса так, словно ждет ответа.

– Д-да, сэр.

Явно удовлетворившись, Халанан хмыкает и цокает языком, понукая пони. Лошадка вздыхает и, хлюпая по грязи копытами, безропотной трусцой удаляется в обратную сторону, к Уикдону.

Уэс опять остается один.

Усадебный дом словно глумится над ним, но Уэс пасовать не намерен. В холодном свете дня вокруг нет ничего такого, чего ему стоило бы испугаться. К преимуществу времени, которое у него есть, добавляется возобновившееся отчаяние.

Уэс открывает засов на калитке и бредет через заросший двор, от опавшей листвы под ногами поднимается сладковатый запах увядания. Ему остается каких-нибудь десять шагов до веранды, опоясывающей дом со всех сторон, как вдруг тишину разрывает гортанный вой. Уэс замирает, и тут же рыжий пес вылетает из-за дома и мчит прямо на него. Под пеленой страха вспыхивает проблеск облегчения и смирения. Лучше уж умереть от ран, думает Уэс, чем от стыда.

Чисто инстинктивно он бросает чемоданы и вскидывает руки вверх. И не успевает опомниться, как его опрокидывают навзничь с такой силой, что воздух разом вылетает из легких. Холодная грязь мгновенно пропитывает рубашку. Пес, придавив его к земле лапами, роняет нитки густой слюны ему на лицо. Воняет нестерпимо, но прежде чем Уэс успевает утереться, пес, наклонившись, ухитряется лизнуть его прямо в рот.

– Все, все, – огрызается Уэс. – Сойди с меня.

Он отпихивает пса, и тот даже не пытается ему помешать. Обходит вокруг него, виляет хвостом, принюхивается к его волосам с дотошным азартом детектива из радиопередачи. Уэс медленно садится и оглядывает свою рубашку. Ее грудь украсилась двумя отпечатками грязных лап. Он стонет. Вот тебе и благоприятное второе впечатление.

– Бедокур! – На голос девчонки пес реагирует незамедлительно. Они оба поворачивают головы.

Всего в нескольких шагах от Уэса стоит дочь Ивлин, Мэгги, с охотничьим ружьем в руках. Под ее ледяным взглядом кровь стынет у него в жилах, внезапно он теряет уверенность в том, что умереть от рук Мэгги Уэлти будет легче, чем вынести разочарование его матери.

Проходит мучительная минута, Мэгги перекидывает предохранитель и приставляет ружье к стене дома. На ней комбинезон с широкими штанинами, заправленными в рабочие ботинки, и плотная джинсовая куртка с засученными до локтей рукавами. Она сдирает с рук садовые перчатки, и Уэс замечает полосы грязи на коже, словно браслеты из черного золота. В животе вдруг екает, озадачивая его. Даже с солнечными бликами на волосах и в глазах она определенно не красавица.

Мэгги протягивает ему руку. Ему не хочется испачкать ее грязью, но, судя по нетерпению на ее лице, она не возражает. Он хватается за ее запястье, она тянет его вверх, помогая подняться на ноги. Они одинакового роста, носы почти на одном уровне. По разумению Уэса, это значит, что она скорее дылда, чем коротышка. Их дыхание облачком смешивается в воздухе между ними.

– Вернулись, значит, – говорит она.

– Да, вернулся. Я... Ну, кто я такой, вы знаете. А вы, должно быть...

– Как я уже сказала вчера вечером, моей матери дома нет. Извините за рубашку. – И она поворачивается, чтобы уйти.

– Эй, постойте! – Он рысью спешит за ней и хватается за локоть. Она оборачивается так круто и с таким упреком в глазах, что он, споткнувшись, отступает на шаг. – Извините...

Ее молчание – довольно красноречивый ответ. Мэгги хватается за руку так, словно он ее обжег. Грязь размазалась по ней от локтя до запястья, задела прядь волос, избежавшую суровой хватки черепаховой заколки. Вся ее недавняя сдержанность воина вдруг улетучилась. Теперь она выглядит опустошенной и пугливой.

– Прошу вас, мисс Уэлти. Мне необходимо это ученичество.

– Правда? – Он различает в ее отклике то же презрение, с каким Мад произнесла: *«Если тебе чего-то хочется, это еще не значит, что ты имеешь полное право это что-то получить»*.

В нем вскипает досада. С чего вдруг все вознамерились думать о нем самое плохое?

– Послушайте, я выйду и встану с другой стороны ограды, если так вам будет лучше. Но нельзя ли нам поговорить минутку?

Мэгги поджимает губы, словно взвешивает ценность каждого дюйма пространства, которое разделит их при соблюдении названного условия.

– Хорошо.

Слава богу. Уэс облегченно выдыхает.

– Я понимаю, вы ничего мне не должны и у вас есть все основания сомневаться во мне, но клянусь: я справлюсь. Я не оплошаю. Пожалуйста, позвольте мне остаться здесь до возвращения вашей матери. Если она откажет мне, я должен услышать это от нее сам. – Молчание тянется так долго, что он не выдерживает: – Платить за жилье я вам не смогу, но буду помогать во всем. Работать по дому, бегать по поручениям – что угодно. Я все сделаю. *Пожалуйста*.

– Поезжайте домой, мистер Уинтерс.

Но ему же *нельзя*. Как бы ему сделать так, чтобы она поняла?

Ладно. Если ей нужны причины помимо его амбиций, он откроет ей душу. У него, перепачканного грязью и собачьими слюнями, уже не осталось достоинства, чтобы его ронять. Уэс вытаскивает из кармана бумажник. Внутри жалкая кучка денег и снимок его семьи, еще тех времен, когда был жив папа. Даже сейчас ему больно видеть, как они все вместе строят смешные гримасы. В центре папа с мамой смотрят друг на друга влюбленно, как на свадебных фото. Уэс с широкой улыбкой, похожей на оскал, держит Эди, усадив ее к себе на бедро. Кристина чмокает его в щеку, Коллин между ними что-то вопит, а Мад – ну, это же Мад. С намеренно несчастным видом держится чуть в стороне, но ласковый блеск в глазах выдает ее.

Все они выглядят такими счастливыми.

Уэс судорожно сглатывает, борясь с внезапным приливом горя, и показывает фотографию Мэгги.

– Это моя семья. Мой папа умер, и... – И что? Никаких слов не хватит, чтобы закончить фразу. *«Теперь у нас вообще нет денег. Теперь мы еле держимся. Теперь весь мир потускнел, и мне кажется, я никогда не стану таким же настоящим мужчиной, каким был он»*. – Те из моих сестер, которые уже подросли, работают. И наша мама тоже. Но сейчас у меня нет ни образования, ни связей, чтобы получить работу, которая прокормила бы их всех, поэтому мне нужен только шанс. Настоящий. Я просто пытаюсь дать им то, чего они заслуживают.

Мэгги долго смотрит на снимок, насупив брови. А когда поднимает глаза на него, ее взгляд жесткий, оценивающий, будто она пытается заглянуть ему в самую глубину души. От этого Уэс чувствует себя диковиной из бродячего зверинца. Он впервые замечает, насколько у нее большие глаза. Она похожа на очень серьезную сову.

– Ладно, – она отдает ему фото. – Заходите.

– Правда? – Он не может удержаться. Ухмыляется, как дурачок. Даже унижительные сборы вещей не портят ему настроение. – Вы даже представить себе не можете, как много это значит!

Мэгги выхватывает у него один из чемоданов, и Уэс понимает, что ни на какой другой отклик на его воодушевление он может не рассчитывать.

Он входит следом за ней в дом и чуть не ахает, увидев, насколько он велик. Его встречает двойная лестница, с элегантно изогнутой взбегающей к центральной площадке. Над ней висит люстра, сверкающих хрусталиков на которой больше, чем на какой-нибудь богачке, отправляющейся в оперу. По одну сторону прихожей – устланная ковром комната с бархатными креслами и книжными шкафами от пола до потолка. По другую – кухня, где старинные медные кастрюли и сковородки висят над кухонным столом, расположенным посередине помещения.

Уэлти-Мэнор роскошнее, чем любой виденный Уэсом дом, однако и внутри он выглядит так же печально, как снаружи. Запыленные эркерные окна пропускают достаточно света, чтобы были видны выующиеся в его лучах пылинки. Деревянные перила тусклые и поцарапанные, на темной обивке мебели скопилась собачья шерсть, на кухонном столе неустойчивыми стопками составлена посуда. Лишь несколько уголков дома выскоблены дочиста. Полы, похоже, подмели совсем недавно, течь в раковине законопатили. Если здесь и царит беспорядок, то отнюдь не оттого, что его не пытаются устранить.

Мэгги уже волочет один из его чемоданов вверх по ступенькам. Он следует за ней так близко, как осмеливается – сначала по лестнице, затем по узкому коридору с оплетенными паутиной светильниками на стенах. Она открывает последнюю дверь справа и пропускает его вперед.

Уэс еле сдерживается, чтобы не опозорить себя воплем восторга. Спальня *громоздкая*. Ему одному еще никогда не доставалось столько места, ведь он всегда делил комнату с кем-нибудь из сестер. Попахивает плесенью, но уж с плесенью он как-нибудь справится. Он бросает чемоданы у изножья кровати, половицы выкашливают облако пыли. Уэс чихает так громко, что Мэгги морщится.

– Прошу прощения, – шмыгнув носом, исправляется он.

Она подходит к окну и воюет со щеколдой. Окно поддается, открывается на несколько дюймов, осыпая подоконник чешуйками облупившейся краски. Свежий воздух вливается в щель со вздохом. Кажется, что здесь много лет никто не бывал, но Уэс видит, что комната пустовала не всегда. Несколько учебников по алхимии валяются, забытые, на полке над письменным столом. В открытом шкафу висит юбка в складку. Внутренности Уэса скручиваются узлом. Сколько других побывало здесь до него?

И сколько добилось своего?

– Можете остаться здесь до ее возвращения, – говорит Мэгги, – но на вашем месте я бы не трудилась распаковывать вещи, если не хотите забыть что-нибудь впопыхах, когда она выставит вас вон.

– «О, маловерные...» Я умею быть весьма убедительным. – В ее скептическом взгляде есть что-то настолько милое, что он решается попытать удачи: – Вы ведь, как-никак, пустили меня сюда, верно?

– Пустила. – Она хмурится. И он не может понять, что беспокоит ее сильнее – то, что он очутился в ее доме, или что его еще недавно белая рубашка теперь выглядит как облитая кофе. Она липнет к спине и неприятно холодит ее. – Давайте сюда вашу рубашку. Я ее постираю.

Жар бросается ему в лицо.

– Что?.. Прямо сейчас?

Отчасти он ничуть не смущен. Трудно остаться застенчивым, когда растешь с четырьмя сестрами. Он был еще совсем маленьким и впечатлительным, когда засыпал под голоса Кристины и Мад, сплетничающих о своих очередных победах. Но его другая часть, та, которая

ощупью раздевалась до пояса лишь для нескольких девчонок, да еще в темноте, готова провалиться на месте. Мэгги Уэлти, судя по всему, скорее убьет мужчину, чем станет восхищаться им.

В его унижительные фантазии она врывается с сухим откликом:

– Конечно, нет. Я подожду в коридоре.

– Ясно. Конечно, нет.

Господи, какой же он кретин.

Как только она выходит в коридор, он поспешно развязывает галстук и сдирает с себя мокрую рубашку. Дверь приоткрывается, в щель мельком виден профиль Мэгги. Уэс поражен тревожным и почти виноватым выражением ее лица. Словно почувствовав на себе его взгляд, она решается посмотреть в его сторону. Ее губы приоткрываются, розовый румянец расплывается по переносице. Переводит взгляд с его голой груди на лицо, потом мучительно долгую секунду смотрит ему в глаза. Кончики его ушей вспыхивают от смущения. В обычный день он был бы скорее доволен собой, но ее совиные глаза словно снимают с него всю оставшуюся одежду. Мэгги не выдерживает первой, отворачивается, будто решает взглядом просверлить не Уэса, а стену коридора. Он испытывает больше облегчения, чем следовало бы.

Прокашлявшись, Уэс просовывает рубашку в приоткрытую дверь.

– Спасибо.

Мэгги выхватывает у него рубашку и вешает на руку.

– Ванна прямо напротив.

Пока она удаляется по коридору, Уэс с упавшим сердцем подозревает, что этой рубашки ему больше не видать. Кристина взбесится, когда узнает, что он ее потерял.

* * *

Бытовые условия в Уэлти-Мэноре совсем не те, каких он ожидал. В доме прославленного алхимика на удивление мало алхимических переделок. Уэс не находит в душевой ни одной кафельной плитки, заряженной магией, а на постельном белье – ни единого стежка алхимически преобразованными нитками. Видимо, ни Ивлин, ни Мэгги не ценят домашние удобства.

Позволить себе алхимически преобразованные товары могут лишь самые богатые люди, если сами они не алхимики. Благодаря знаниям, кое-как накопленным за время ученичества, Уэс выполняет превращения, облегчающие жизнь его близким, – простейшие, конечно, вроде насыщения мамино любимого ножа квинтэссенцией кварца, чтобы он не тупился, или воздействия на одеяло Эди маковым семенем, чтобы оно всегда было теплым. Может, ему удастся убедить Мэгги в том, что от него есть польза, если он поколдует над некоторыми предметами в доме.

Смыв с себя позор и надев чистую рубашку, Уэс отправляется искать Мэгги. Воздух в коридоре – точно мед, густой и золотистый в полуденном свете. Уэс останавливается перед стеной, увешанной фотографиями в рамках; все до единой они покрыты слоем пыли. Первой бросается в глаза одна из старых, раскрашенных. На этом снимке белокурая женщина сидит рядом с деревянной лодкой на берегу, усмехаясь фотографу. Ивлин, догадывается он. С ее тонкими губами и широко расставленными карими глазами она так похожа на Мэгги, что даже жутко становится. Но если Мэгги угрюма, то Ивлин буквально светится.

Через несколько снимков снова попадает Ивлин, лучезарно улыбающаяся рослому бородатому мужчине. Оба они держат на руках по светловолосому малышу, пристроив их на бедро. Больше всех ему нравится фото Мэгги: с виду семилетняя, она пристально смотрит в камеру, игрушечное ружье висит у нее через плечо, щенок с несоразмерно большими ушами свернулся у ее ног. Очевидно, она всегда выглядела как взрослая, даже в детстве.

Чувство вины отзывается кислятиной в желудке. Хоть эти снимки и выставлены напоказ, разглядывать их – все равно что без спроса вторгаться в чужой дом. Эти счастливые моменты не вяжутся в представлении Уэса с тем, что ему известно об Уэлти-Мэноре и его обитателях. Этому дому присуща та же мрачноватая торжественность, как закрытой ярмарке. С точки зрения Уэса, дом – это место, где громко, тесно, тепло от целой толпы народу, жара кухонной плиты и любви. А в Уэлти-Мэноре ничего этого и в помине нет.

Здесь живут призраки, а не люди.

Спустившись по лестнице, он видит в кухне Мэгги, стоящую к нему спиной. Ее длинные золотистые волосы зачесаны на макушку и скреплены черепаховой заколкой. Серебряная цепочка поблескивает на бледной шее, ниже короткой поросли младенчески мягких волос на затылке видна полоса грязи, воротником окружающая шею. Как ни странно, это зрелище приковывает его взгляд. Мэгги втягивает голову в плечи, и Уэс отводит глаза как раз в тот момент, когда она оборачивается к нему.

В одной руке у нее нож, в другой – целая курица. Пушистые белые перья разбросаны по кухонному столу, как снежные хлопья. Уэс внутренне содрогается, но продолжает непринужденно улыбаться. В глубинке Нового Альбиона живут *иначе*, и он твердо решил на этот раз ничего не испортить. Третья встреча – пора пустить в ход обаяние.

Уэс выдвигает стул и садится к столу. Как и все прочее в этом доме, стул протестующе скрипит.

– Спасибо, что разрешили мне остаться.

– Не за что, – смотрит она не ему в лицо, а на концы его волос, с которых срываются капли, звонко плюхаясь на кухонный стол. Смутившись, он отодвигается, убирает волосы со лба. Струйка сбегает по его шее, в этом зябком доме она холодна как лед.

Он прокашливается.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет.

Довольно быстро выясняется, что Мэгги настроена неприязненно. Несправедливо: ведь это *ему* полагалось бы говорить с ней нехотя после нападения пса. Но именно она ведет себя так, будто он для нее обуза. Он с трудом подавляет в себе порыв напомнить ей, что это она его пригласила.

– В таком случае составлю вам компанию, – весело отзывается он и, не дождавшись ответа, спрашивает: – Вы знаете, когда вернется ваша мама?

На миг она вспыхивает. Потом резким движением ножа отсекает курице голову, и ему уже кажется, что перемена в ее лице ему только почудилась.

– Через две недели.

Две недели. Не лучший вариант из возможных, но еще терпимо. Просто надо найти способ скоротать время до тех пор и сделать так, чтобы его близкие не узнали, что на самом деле его еще не взяли в ученики, как он их уверял.

– А где она?

– В исследовательской поездке.

Этот ответ звучит так отрывисто, что сразу ясно: ничего добавлять она не собирается. Уэс подыскивает другую тему.

– Я посмотрел фото на стенах наверху. Там на них ваш брат?

– Да.

– А где он? С вашей мамой?

Мэгги застывает. Солнце бликует на лезвии ее ножа. Встретившись с ней взглядом, Уэс видит, что ее глаза пусты.

– Он умер.

– О, соболезную.

Да *что* это с ним? Неужели он так и не сумеет сказать ей что-нибудь подходящее случаю? На несколько мгновений он теряется, чувствует себя беспомощным, а она говорит:

– У вас есть еще какие-нибудь бесцеремонные вопросы, которые вы хотели бы задать, мистер Уинтерс?

– Нет, – тихо отвечает он.

– В таком случае ужин будет в шесть.

Уэс способен по тону понять, что его выпроваживают. Равномерное «тук-тук-тук» ножа сопровождает его весь путь вверх по скрипучей лестнице.

Закрывшись в отведенной ему спальне, он ищет хоть что-нибудь, чтобы помешать мыслям стремительно нестись вниз по спирали в бездну унижительного отчаяния. Всего минута требуется ему, чтобы обнаружить на полке учебник алхимии – тот самый, уроки из которого ему задавали столько раз, что первые главы он заучил наизусть. В конце второй главы есть упражнение, так и оставшееся невыполненным, что многое говорит о том, сколько продержался здесь предыдущий владелец учебника. Упражнение на разложение бумаги средствами алхимии.

«Вырвите следующую страницу и выполните эти простые действия!»

Рядом со снисходительными указаниями – цикл трансмутации со скрупулезными примечаниями. Это основная формула нигредо, процесса разложения, – первый из трех типов заклинаний, подвластных алхимикам наряду с очищением и восстановлением. Циклы трансмутации удерживают в своих пределах энергию, задействованную в алхимической реакции, и хотя начертанные на них руны весьма специфичны, в широком смысле они позволяют алхимику подчинить эту энергию своей воле.

То ли от скуки, то ли от ностальгии, но Уэс опомниться не успевает, как вырывает по перфорации страницу и роется в ящике письменного стола в поисках мела. В первый раз, когда он пробовал это заклинание, ему потребовалось целых двадцать минут, чтобы воспроизвести весь цикл трансмутации. Но с тех пор он проделывал то же самое столько раз, что набросал на полу все построение минут за пять. Бумагу он кладет в центр и сосредотачивается, направляя все внимание в себя.

Любой алхимик, который чего-нибудь да стоит, считает себя ученым, однако в алхимии есть и нечто необъяснимое. Нечто магическое. *«В самой сердцевине каждого из нас, – говорил один из его учителей, – сокрыта искра божественного огня».*

Когда Уэс представляет это пламя в своих сложенных ковшиком ладонях, они теплеют, в мыслях воцаряется полный покой. Он прижимает ладони к полу, его энергия вливается в начертанный мелом круг, бумагу охватывает белый огонь. Она темнеет, скручивается, и вскоре от нее остается лишь стойкий запах серы и кучка черного пепла. Алхимики называют ее сарит mortuum, дословно – «мертвая голова», ничемные остатки предмета. Но квинтэссенция этой бумаги лежит погребенная в пепле и ждет, когда он выделит ее и использует в заклинаниях.

Обычно при удачной трансмутации он вспыхивает от благоговейного трепета, но сейчас, глядя на «мертвую голову», чувствует лишь горечь. И видит перед собой распалюющее в нем гнев своей бесстрастностью лицо Мэгги, когда она произносит: *«Моя мать не выносит бездарностей».*

Уэс захлопывает учебник, его лицо горит от стыда. Что вообще знает о нем Мэгги Уэлти? И вовсе он не бездарность, просто недостаточно образованный алхимик. Если кому-нибудь придет в голову оценивать его прогресс не только по тому, насколько успешно он сдает письменные экзамены или читает наизусть алхимические теоремы, он развернется вовсю. Ему нужно лишь, чтобы кто-нибудь поверил в него.

Несколько часов спустя он лежит без сна, дрожащий и беспокойный. В Дануэе ночи жаркие, иногда почти невыносимо, а здесь в оконные щели задувает пронзительно холодный сквозняк. На потолке обозначаются резкие тени, голые ветки скребут оконное стекло, словно когти.

Дома он преспокойно засыпал под похрапывание матери. Под шум ссоры соседей снизу. Под голос Коллин, подпевающей гнусавому старенькому радиоприемнику в кухне. Но здесь тишина звучит слишком громко, ничто не приглушает ее, и клочок неба за окном нависает слишком низко, не заслоняемый небоскребами. Наступило новолуние, ночь темна и полна звезд, которых он раньше никогда не видел.

Его уже одолевает тоска по дому, а прошел всего один день. Это же надо быть настолько жалким!

Уэс, кажется, не плакал уже много лет. С самых папиных похорон. С тех пор как Мад велела ему подобрать соплю и терпеть ради младших. А теперь, к его досаде, он соблазнительно близок к слезам. Но, смаргивая подступающее к глазам жжение, он гадает, не разучился ли плакать навсегда. Может, ему наконец-то удалось полностью исчерпать свои запасы слез.

Если ему нельзя горевать ни об отце, ни о своих несбыточных мечтах, не рая при этом родных или самого себя, какой у него еще есть выбор, кроме как делать вид, будто все в порядке? Ослеплять окружающих, чтобы им и в голову не пришло искать его болевые точки? До сих пор он выживал, не мешая людям верить, что он пуст и эгоистичен. Так лучше. Когда прикидываешься недоумком, никто не знает, чем тебя задеть. И никто всерьез не разочаруется в тебе, потому что ничего лучшего от тебя и не ждет.

4

Ей понадобилось меньше сорока восьми часов, чтобы раскаяться в своем решении.

Уэстон Уинтерс – сущий кошмар. Он повсюду, даже если не мозолит ей глаза. Маргарет видит его в грязных башмаках в прихожей, в разбросанных по кухонному столу материнских учебниках, в странных, неразборчивых записях, которые он оставляет самому себе по всему дому. Как же это бесит. Маргарет следит, чтобы ее мирок оставался простым, маленьким, упорядоченным. Ей нравится уединение и бездумный, умиротворяющий ритм домашних хлопот. Нравится молчаливое и непринужденное соседство Бедокура. Нравится идти по жизни так, чтобы ее не изводили расспросами. А Уэстона, по всей видимости, ничто не радует сильнее шума и хаоса. А может, он злорадствует, видя, как она расстроена. Утверждать она не берется. Что ей известно наверняка, так это одно: насколько ошибочным было проявленное ею сочувствие.

Достаточно ошибочным, чтобы солгать ему.

Хотя, в сущности, это была не ложь – только предположение. На самом деле она понятия не имеет, когда вернется ее мать – через две недели или через два года. Но вскоре до Ивлин дойдут вести о том, что в Уикдон пришла охота, и она вернется. Маргарет хочется в это верить. Она *обязана* верить, пусть даже в прошлом эта вера не приносила ей ничего хорошего.

А теперь она расплачивается за то, что втянула Уэстона в свои фантазии и приковала его к этому дому вместе с собой. Время отчасти размыло воспоминания о прежних учениках матери. Теперь же она все вспомнила, и даже слишком хорошо. Как сбритая щетина портила девственную чистоту раковины в ее ванной, как ей для душа доставалась одна холодная вода, как эхо разносило по дому возмущенный крик матери. *«Как можно быть таким безмозглым, – твердила она, – таким никчемным, таким...»*

Нет, по таким соседям Маргарет не скучала. И хотя до приезда Уэстона она жила одна, по крайней мере, ей был обеспечен комфорт. И безопасность. А в нем нет ничего безопасного. Лишь одна его черта искупает недостатки: ему хватает любезности спать до полудня. Ей достается несколько бесценных часов уединения, пока он не выползет из комнаты для гостей, как медведь после зимней спячки; иными словами, завтрак можно приготовить без помех. Закутавшись в вязаную шаль, Маргарет стоит на кухне, ожидая, когда закипят овсянка и кофе.

– Доброе утро, мисс Уэлти.

Маргарет вздрагивает, ложка вылетает из ее пальцев. Негромко хлопнув, она плюхается в кастрюлю, забрызгав овсянкой не только Маргарет, но и, что особенно досадно, плиту, которую она не далее как вчера вечером оттерла дочиста. Хлопая липкими ресницами, она слабо вздыхает сквозь зубы.

– Доброе утро.

– О, простите! Я не хотел напугать вас.

Маргарет оборачивается: вот и он, томный и сияющий, как летний полдень. Он направляет на нее кинжал своей улыбки, его черные, встрепанные после сна волосы торчат во все стороны, прямо пожар в лесу. За всю свою жизнь Маргарет не встречала человека, который ухитрился бы так же упорно путаться под ногами. Бедокур часто прибегает к схожей тактике, но если уж начистоту, только когда изголодался по вниманию или когда она на несколько минут опаздывает дать ему ужин. Поселить в доме Уэстона Уинтерса – все равно, что завести второго, менее благовоспитанного пса.

Решив не замечать его, она сосредотачивает все внимание на вспухающей пузырями и булькающей овсянке. Уэстон висит у нее над душой, его присутствие бьет ей в спину, как прилив, и приносит запах лосьона после бритья. От него разит цитрусом, лавровым листом и ромом. *«Ему, наверное, и брить-то еще нечего»*, – хмуро думает она, надеясь отогнать всплыв-

шее в памяти видение – полуголый Уэстон в дверном проеме – и странное ощущение родственных уз, которые его сопровождают. Несмотря на почти детскую округлость его лица, поджарое тело явно свидетельствует о том, что голод знаком ему так же хорошо, как и ей. След его пальцев на ее руке до сих пор горит, как ожог.

Он выглядывает из-за ее плеча.

– Пахнет вкусно.

Перспектива завтракать в его компании, вновь терпеть, пока он будет приставать с вопросами, где мать и кто еще из ее родственников трагически погиб, ужасает ее вплоть до мурашек по коже.

– Вы думаете? – Она выливает овсянку в щербатую белую миску и сует ему в руки. – Это все вам.

– О, спасибо... минутку! А вы разве не хотите?

– Я не голодна. – Она проскальзывает мимо него, хватая с кухонного стола ружье.

Он следует за ней до входной двери.

– Поздно вернетесь? Я слышал, сегодня церемония открытия.

У Маргарет холодеет кровь.

– Церемония?..

– Ага, мне Халанан на днях рассказал. Кажется, церемония открытия Полулунной Охоты?

Она знала, что так и будет: первое появление того самого хала возвещает начало охотничьего сезона. Но надеялась, что пройдет больше времени, прежде чем его заметит еще кто-нибудь, а может, по глупости рассчитывала, что хала уйдет, сделав ее решение избегать охоты менее мучительным. Но, узнав о приближении официального начала, она чувствует, как усиливается тревога, от которой она так и не смогла отделаться с тех пор, как заглянула в жуткие глаза чудовища. Такой же ужас она испытывала лишь однажды, но воспоминания об этом рассыпаны по полу осколками, слишком острыми, чтобы собрать их. Серный запах алхимии, светлые волосы матери в крови, всхлип, который вырывается у нее при попытке Маргарет вытащить ее из лаборатории, и...

– Мисс Уэлти? – Голос Уэстона кажется искаженным. – Вам плохо?

Ее глаза застилает туман, она смотрит на него словно со дна замерзшего пруда. *«Господи, – думает она, – прошу, не дай этому случиться сейчас».*

Она сжимает пальцы на плаще, висящем на вешалке, сосредотачивается на переплетении хлопковых нитей, чтобы удержаться на ногах. Она здесь, *здесь*, и Уэстон таращится на нее, словно уверен, что она сейчас взлетит. Отражение своего бледного лица она видит в его глазах и замечает, что ее глаза мечутся, как у загнанного зверя. Вынести такое унижение почти невозможно.

Маргарет хватая плащ и набрасывает его на плечи.

– Я в полном порядке. Мне пора.

Уэс в недоумении и вместе с тем немного успокаивается.

– На церемонию?

– Куда же еще – ей нужен воздух, а не толпы и шумиха, но согласиться проще. Со своим страхом она прожила настолько долго, что знает, как справляться с напоминаниями о нем. Научилась забываться, давать оцепенению проскальзывать внутрь и завладевать ею, подобно призраку. *«Пустяки, – сказала она миссис Рефорд, когда та впервые увидела ее такой. – Просто ничего не значащий эпизод».*

Немало времени прошло с тех пор, как ее застали в этот момент.

– Можно мне с вами? – спрашивает Уэс.

– Поступайте как знаете, а я вас ждать не буду.

– Ладно, – он угрюмо забрасывает овсянку в рот полными ложками. – Я потом вас догоню.

Как только она выходит за дверь, бодрящий воздух осени овеивает ее, туго скрученная в груди паника отпускает. Одной ей легче дышать. Порой с трудом верится, что в этом доме когда-то был не один обитатель, а несколько.

После ухода отца, но еще до того как стены стали гнить вокруг них, мать начала брать учеников. Маргарет не питала приязни ни к ним, ни к их умоляющим, выжидательным взглядам. Было почти смешно вспоминать, как они увивались вокруг нее в надежде на какие-нибудь сведения. Секрета, как заслужить благоволение матери, она не знала. Ничто уже не властвовало над Ивлин Уэлти, кроме алхимии. Что чужак, что родная дочь – все они занимали равное по значимости положение в сузившемся материнском мире.

Ученики появлялись. Изводили ее. Но никогда не задерживались надолго.

Уэстону с его пижонистой стрижкой и расчетливой улыбкой не продержаться против ее матери и двух минут. Повезло ему, что ее нет дома. Пусть лучше его надежды тихо угаснут, чем будут безжалостно выпотрошены. Она вспоминает, как он медлил в дверях, точно настоженная гончая, все еще держа во рту ложку. Когда он разочарован, выглядит так, будто огреб пинка.

Маргарет вздыхает. Пожалуй, она обошлась с ним чересчур невежливо. Не то чтобы он не нравится ей. Просто раздражает его уверенность в том, что для порчи, которую наносит алхимия, он неуязвим. Пока что он кажется добрым, но едва изведает вкус власти, почувствует, что значит воздействовать на самую ткань вселенной, он изменится. Все они в итоге меняются.

Растопырив пальцы, Маргарет ведет ими по траве высотой до пояса, растущей вдоль обочины дороги на Уикдон. На дороге еще сохранились глубокие мокрые колеи от повозки, на которой приехал Уэстон. Она шагает вдоль колеи осторожно, словно по краю утеса, жидкая грязь жадно присасывается к ее ботинкам на каждом шагу. Когда густой лес сменяется открытой холмистой местностью, Маргарет видит машины, несущиеся по приморскому шоссе, и лодки у пристани. Вскоре их захлестнет поток приезжих со всей страны.

– Мэгги.

Она вздрагивает, стремительно хватается за ремень ружья. Но это всего лишь Марк Халанан прислонился к своей повозке, наполовину заставленной банками и ящиками с абрикосами. Маргарет так погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как дошла до фермы Халананов. Рафинадка, его белая пони, уже запряжена и выглядит немислимо оскорбленной этим обстоятельством. Работать она терпеть не может. Это роднит ее с Отблеском, серым меринном Маргарет.

– Доброе утро, – говорит Маргарет, ненавидя себя за легкую дрожь в голосе.

Она все еще на нервах, но если Халанан и замечает это, то не подает виду. Только спрашивает:

– Помочь мне не хочешь? Мне надо подвезти товар к своему лотку в городе. Хорошо заплачу тебе джемами.

Халананы всегда слишком щедры к ней, но перенести эту благотворительность легче, когда они творят добро под видом платы за работу. Даже теперь, спустя долгое время, ее все еще ранит мысль, что Марк по-прежнему считает ее нуждающейся в заботах. *«Если и есть в жизни то, чему ты должна научиться, – говорила ей мать, – так это как позаботиться о себе»*. И она старательно училась. Уикдон – опытный наставник. Если не считать миссис Рефорд, Халананы – единственные люди в городе, на чью доброту она может неизменно рассчитывать. Они никогда не питали ненависти ни к ней, ни к ее отцу за их кровь ю'адир.

Маргарет выдавливает из себя улыбку.

– Хорошо.

Они работают в дружеском молчании, а Рафинадка нетерпеливо бьет хвостом. Когда Маргарет взваливает на повозку последний ящик, Халанан приговораживает ее к месту строгим взглядом.

– Ну что, прилично себя ведет Уинтерс?

– Вполне. Он говорил, что вы познакомились.

– Так и есть, и я велел ему следить за собой. Если вздумает развлечься, если хотя бы попробует пальцем тебя тронуть, только скажи. Я примчусь в мгновение ока.

На этот раз улыбка дается ей легко.

– Если вздумает, я сама его пристрелю.

Халанан ласково качает головой, помогая ей сесть сзади в повозку. Маргарет прислоняется к тряскому борту, щурится от ветра и смотрит, как Уикдон становится виден все отчетливее. К тому времени, как они доезжают до центра, на улицах уже бурлят толпы – так много людей, сколько она не видела за всю свою жизнь. Воздух гудит от избытка энергии, как в ту ночь, когда перед ней появился хала.

От предвкушения.

Впервые она чувствует себя потерянной в собственном доме, и это лишь начало. Ближе ко дню охоты узкие улочки Уикдона заполонят еще тысячи приезжих. Вдоль главной улицы все веранды домов преобразились в витрины магазинов. Мистер Лоуренс привез с пристани дневной улов и разложил ряды сверкающих серебристой чешуей рыб и блестящих черных мидий на ложе из льда. Миссис Элинг в окружении деревянных тележек, полных яблок, разливает дымящийся сидр с пряностями в бумажные стаканчики.

Люди ходят, задевая друг друга плечами, носят плетеные корзины, полные винограда и зелени. Торгуются и сплетничают, покупая букетики полевых цветов и свечи – гладкие и блестящие, как полированный камень. Никакого баловства Маргарет не позволяла себе уже много лет, но сладкий и сливочный аромат карамели пробуждает в ней воспоминания. В праздничные дни вроде нынешнего мама давала ее брату Дэвиду пригоршню мелких монет и отпускала побродить на свободе. А Маргарет она разрешала водить ее за руку по лабиринту рыночных палаток и прилавков и наклонялась, чтобы дочь могла прошептать ей на ухо, чего бы ей хотелось. Это тихое счастье сейчас кажется невыносимым, невозможным. Даже будь Ивлин здесь, вряд ли Маргарет удалось бы уговорить ее покинуть усадьбу.

Они уже заканчивают раскладывать товар на лотке Халанана, и Маргарет тянет шею, чтобы увидеть, куда движется людской поток. Он образует водоворот у дверей паба «Слепой лис». Кремовый транспарант над вывеской крупными черными буквами объявляет: «Записываться здесь». От острого укола желания у нее перехватывает дух, она чуть было не смеется над собой. Вопреки всем доводам рассудка, ей все равно хочется записаться в участники охоты. Но именно в этом «хочется» и заключается беда. Оно не принесет ей ничего, кроме боли.

Халанан прослеживает направление ее взгляда.

– А ты уверена, что стоит?

– Я просто смотрю.

– Молодежи молодость не впрок, – бормочет он. – Иди посмотри, если надо. Джемы привезу потом.

Не успев пробормотать «спасибо», она плечом вперед ввинчивается в толпу. Нырять в паб, вдыхает знакомый запах хлеба, который скоро допечется, и булькающей густой похлебки. В обычные дни в «Слепом лисе» уютно, дремотно-тепло от горящего огня и полно местных, которые заходят выпить после работы. Но сегодня здесь собрались более изысканные посетители. Женщины в жемчугах и широких брюках. Мужчины в костюмах из ткани «в елочку» и двухцветных туфлях-оксфордах.

Пожалуй, ей не следовало бы удивляться им. Страстные охотники разводят дорогих гончих, покупают дорогие ружья и держат полные конюшни дорогих коней. Лисья охота – демонстрация и богатства, и мастерства, поэтому она считается излюбленным национальным времяпрепровождением новоальбионской элиты. И только лучшие из лучших отправляются в такую даль, чтобы поставить на карту свою жизнь в главной лисьей охоте года. Маргарет не раз

доводилось слышать, как Джейме Харрингтон, сын мэра, похвалялся долгими, напряженными днями скачки на кобыле по открытым полям и распитием хереса в девять часов утра.

Маргарет пробирается в уголок бара и находит свободное место. С этого наблюдательного пункта ей хорошо видно все заведение. И хотя от этого она самой себе кажется маленькой и глупой, но с надеждой высматривает в толпе золотистые волосы матери.

– Будешь заказывать что-нибудь или просто посидеть пришла? – спрашивает бармен Реджинальд, пристально глядя на нее и вытирая кружку, вмещающую пинту.

– Смотря сколько тебе сегодня вздумается с меня запросить.

Для нее он вечно задирает цены. Но прежде чем он успевает рывкнуть в ответ, гул толпы пререзает громкий голос:

– В начале был Единый.

Женщина стоит в глубине зала, ее серые кудри разметались вокруг лица, словно дым. Маргарет не сразу узнает хозяйку бара миссис Рефорд: при свете рассыпающейся искры камина она сама выглядит бесплотной и древней сущностью.

– Единый был Всем, и Все было Единым, и Все было в Едином, – продолжает она. – В его бесконечном свете и любви из него простекло первовещество. Это был хаос. Было все и ничего, совершенство и квинтэссенция, и обширное небытие, подобное темным водам. Но когда Бог вдохнул в него дыхание, он сотворил жизнь.

Первосущностями, возникшими из хаоса, были демиурги. Первого, кто пробудился, звали Яль. Он ничего не знал ни о Боге, ни о том, откуда взялась его сила. Знал только, что, когда он поднимает руку, первовещество откликается на его зов. Как только начали пробуждаться его братья и сестры, он сказал им: *«Здесь есть одни лишь мы, боги этого хаоса. Придадим ему форму так, как пожелаем?»*

Маргарет не перестает удивлять сходство и вместе с тем отличие этого варианта мифа о сотворении от того, который она слышала от отца. Демиурги, гласит предание катаристов, создали материальный мир и стали править им как тираны. Они заточили божественное начало, искру, дарованную Богом, внутри материи и сотворили людей – его жалкое подобие, отражение его несовершенств. Когда Бог понял, что они наделали, он покарал их, заключив их души в зверином облики. Однако в Священном писании ю’адир говорится, что это Бог создавал материальный мир с пристальным вниманием и любовью скульптора. А когда закончил, захотел поделиться божественным знанием – тайной сотворения вселенной – с избранными им людьми. И он зачерпнул пригоршню первовещества, влил его в сердца десяти белоснежных зверей и отпустил их на свободу.

Кем бы они ни были, даром или карой, демиурги сеяли разрушения, а люди убивали их на протяжении всей письменной истории. До настоящего времени дожил только один, самый хитрый из них, – лис, по-прежнему рыщущий по западному побережью Нового Альбиона.

– Тебе нравится эта сказка, правда?

Маргарет замирает, услышав голос Джейме Харрингтона. Оборачивается и видит, что он возвышается над ней, опираясь локтем на спинку ее стула. Как всегда, выглядит он блистательно в отлично сшитом синем костюме и шляпе-котелке. Купленная на отцовские деньги одежда ему идет. Его рыжевато-светлые волосы приглажены гелем и похожи на блестящий шлем, глаза имеют прозрачный голубой оттенок волны, просвеченной солнцем. Ангельскую красоту розовощекого лица, однако, портит жестокая усмешка.

– С чего ты взял? – спрашивает она.

– Не прикидывайся, – знакомая праведная ненависть вспыхивает в его глазах. – Я знаю, ваш извращенный бог гордится сотворением мира. Во всяком случае, понятно, почему ты и тебе подобные настолько меркантильны.

В ней пробуждается гнев, но в искусстве безразличия она упражнялась слишком долго, чтобы раздражаться на слова Джейме. Он ненавидит ее уже много лет. Когда-то она верила,

что эта ненависть вызвана какой-то конкретной и мелкой причиной. То ли дело в том, что она укусила его за то, что он наступил Бедокуру на хвост, когда они были детьми, то ли в том, что ее периоды молчания кажутся ему странными. Но теперь ей ясно, в чем дело. Она виновна, и преступление ее заключается в том, что ее отец – ю'адир.

Порывшись в самой глубине памяти, она может вызвать оттуда примерный рисунок напевной мелодии, привкус горьких трав и яблочного чатни, простые объяснения священных текстов, написанных языком, читать на котором она никогда не сможет. Трудно понять, достаточную ли долю ее существа составляют эти фрагменты, чтобы дать ей право оскорбляться в ответ на колкости Джейме. Но почти полная неосведомленность об отцовской вере ничего не значит для таких людей как Джейме; значение имеет лишь то, что ее кровь «опоганена». Новый Альбион не изгоняет своих ю'адир и не стремится вырезать их, как делают за морем, однако Уикдон осложняет их жизнь худшим способом из возможных в рамках закона.

– Знаешь, а ведь я увидел его первым, – продолжает Джейме. – Две ночи назад я видел, как он губил наши поля.

Если это и вправду было две ночи назад, тогда первой его увидела *она* – и осталась целой и невредимой. Джейме никак не может знать об этом, но она все равно спешит сделать безучастное выражение лица. Три года назад в Бардове, городке милях в пятидесяти к северу отсюда, охота выдалась особенно кровопролитной. За пять недель пребывания в его окрестностях хала уничтожил чуть ли не все, что вырастили местные фермеры, пощадив лишь один сад, принадлежащий семье ю'адир. Последнее, что она о них слышала, – что теперь усадьба пустует.

– Чего тебе надо, Джейме?

– Да я-то просто поддерживаю разговор. Вопрос в другом: чего надо тебе? Если ты выбралась из своей норы.

– Послушать речи перед открытием, как и всем остальным.

– Привет, мисс Уэлти... я не помешал?

Нарочито беспечно Уэстон прислоняется к стойке. Он опять в этом своем старом тренчкоте. Ткань выцвела и обтрепалась, старательная штопка продлила ему жизнь, хотя милосерднее было бы прекратить ее. Мало того, Уэстон носит его, накинув на плечи, как плащ. Раздражение, которое он вызывает у нее, не поддается разумному объяснению. Выглядит он нелепо.

К открытому окну он стоит так близко, что легкий ветерок ерошит его буйную шевелюру, с волос срываются золотистые от солнца капли. Его серьезное лицо для Маргарет непроницаемо, но пока он смотрит на нее из-под ресниц, она впервые замечает редкий оттенок его карих глаз, такой же темный и насыщенный, как земля после дождей. Сердце откликается на эти мысли, пропуская положенный удар.

– Мистер Уинтерс, – говорит она, – вижу, вы здесь прекрасно освоились.

– А как же. Народ здесь душевный, – он поднимает бутылку вина в ее сторону, словно собираясь чокнуться с ней. Маргарет даже гадать не намерена, откуда у него эта бутылка. – Вы не представите меня своему другу?

Вопрос звучит довольно любезно, но холодный блеск глаз явно указывает на его невысказанный смысл: *этот тип вас беспокоит?* Ну разумеется, у него ведь комплекс героя. Маргарет раздумывает, не промолчать ли, просто в отместку за его непрошеное вмешательство, но прямо-таки чувствует исходящее от Джейме злорадное ликование. Кто она такая, чтобы мешать им вцепиться друг другу в глотки? Она нехотя роняет:

– Это Джейме Харрингтон.

Уэстон протягивает ему руку.

– Уэстон Уинтерс.

Джейме надменно и свысока взирает на Уэстона, с напряженной улыбкой прячет руку в карман.

– Минутку, – говорит Джейме. – Кажется, я понял, что здесь происходит. Вы, случаем, не участвуете в охоте вдвоем?

– Что?..

– А если и да, то что? – перебивает Маргарет.

Уэстон уставился на нее, разинув рот. Маргарет понимает, что терять самообладание вот так по меньшей мере неразумно, но резким взглядом велит ему молчать.

Лицо Джейме становится пятнистым от гнева.

– Тогда я бы сказал, что не тебе соваться в такие дела, и вдобавок это опасно. А у тебя только старое ружье да старая гончая. Тебя разорвут на куски.

Ее так и подмывает бросить ему вызов, но, несмотря на соблазн, Маргарет заставляет себя сдержаться. Что толку препираться с ним сейчас? Зачем становиться мишенью для насмешек?

– Спасибо за заботу.

Наградой ей становится разочарование на лице Джейме. В этой игре ему никогда не победить ее.

Но тут Уэстон подавляет смешок. Однако ему не удается согнать с лица высокомерную усмешку и смягчить снисходительные нотки в голосе.

– Как будто у тебя больше шансов. Что, так боишься, что готов запугивать ее, лишь бы она отказалась от участия?

Маргарет готова его убить. Неужели промолчать не мог?

Опасный блеск в глазах Джейме становится ярче, но прежде чем он успевает огрызнуться, тишину рассекает голос миссис Рефорд:

– На протяжении жизни целых поколений тот самый хала губил наши поля. Резал наш скот. Убивал наших супругов и детей. Со смертью хала завершится целая эпоха. Один из вас может стать последним героем человечества – и первым в Новом Альбионе, – кто убьет мифическое чудовище.

Последнее слово зловеще повисает в воздухе, а потом ее лицо озаряет улыбка.

– И конечно, он до конца своих дней будет почетным гостем здесь, в Уикдоне. Не говоря уже о денежном призе – в этом году, благодаря нашим щедрым спонсорам, он составит семьдесят пять долларов, – а также о самом хала. Нам выпала честь принимать у себя сто сорок седьмую Полулунную Охоту. Через две недели, считая от сегодняшнего дня, открывается запись участников, а потом начнется главное веселье. Благодарю всех. Приятного вам пребывания!

Под возобновившийся гул голосов и журчание пива из кранов Джейме наклоняется так, что Маргарет ощущает ухом его горячее дыхание.

– Слышишь? Героем.

Она прекрасно понимает скрытый смысл его слов – *не тебе с твоей наследственностью претендовать на этот титул*. Истинные новоальбионские герои – приверженцы катаризма, обладатели идеальных родословных, ведущие свой род от первых колонистов и отделенные от них всего несколькими поколениями. Эта охота – не для девчонки, которая к тому же наполовину ю'адир. А для него, Джейме.

Он выпрямляется во весь свой внушительный рост.

– А что до тебя, Уинтерс, в этом городе мы обращаемся к людям уважительно, так что, если не хочешь неприятностей, следи за языком.

С этими словами он круто поворачивается и исчезает в толпе. Маргарет испускает прерывистый вздох. Больше всего ей хочется выковырнуть этот гнев, засевший внутри у нее горящим угольком, и восстановить самообладание, стремительно утекающее прочь. А Джейме *не прав*. Ей не нужно ничего, кроме старого ружья и старого пса, чтобы обставить его. Она видела, как в тире его неряшливая техника стрельбы раз за разом становится все неряшливее из-за спиртного. Слишком уж он самодоволен, себе же во вред, и пора бы уже кому-нибудь сбить с него спесь. Ей следовало бы взять эту задачу на себя.

Но ей нельзя.

Она жаждет определенности, надежности. А теперь, когда охотники разъезжают по всей округе и времени, денег и снаряжения у них больше, чем она когда-либо мечтала иметь, никакой определенности в этой игре нет. Даже с безупречной собакой и таким же оружием она не вправе поставить все, что у нее есть, на какую-то сумасбродную мечту. Особенно если ей придется зависеть от алхимика. Как бы она ни скучала по Ивлин, идти на такие шаги она не вправе.

– «А что до тебя, Уинтерс, в этом городе мы обращаемся к людям уважительно», – гнусаво передразнивает Уэстон. На Джейме не очень похоже, но не будь она так раздосадована, может, это ее позабавило бы. – Ну и ну, чего это он так взъелся?

– Он всегда такой, хотя обычно ведет себя любезнее, если его не злить.

Уэстон фыркает.

– А я и не злил. Если уж на то пошло, это он разозлил *меня*.

– Я в вашей галантности не нуждаюсь.

– А дело вовсе не в галантности, – возражает он. – А в силе воли. Вы что, в самом деле были готовы простить ему такое обращение?

– Да, готова. Можете жить сами, как считаете нужным, а в мою жизнь не лезьте.

– Ладно. Виноват, – ему хватает ума изобразить, что он пристыжен. Он медленно присаживается на высокий табурет рядом с ней. – И вообще, что он имел в виду, когда сказал: «Не тебе соваться в такие дела»?

Само собой, он прицепился к той подробности, которую лучше бы забыл.

– Именно то, что сказал. А что? Вы интересуетесь лисьей охотой?

– «Интересуетесь» – о чем вы? – откликается он.

– О том, интересуетесь вы или нет, – она вздыхает, увидев, как мучительно исказилось его лицо. – Вы ведь пришли послушать вступительные речи, так?

– Я пришел туда, где есть люди, – он делает паузу. – Участвовать я не смог бы, даже если бы хотел. Мама убила бы меня.

– Почему?

Он сдержанно объясняет:

– Она считает, что это варварство.

– А как считаете вы?

– Не знаю. Может, и варварство. Но явно шикарное. И мне, конечно, хотелось бы позволить себе одеваться как Харрингтон. И побездельничать недель пять, пообщаться со всеми знаменитыми алхимиками и покрасоваться на виду у всей страны. Но, видимо, мне тоже не стоит соваться в такие дела.

Горечь и тоска в голосе Уэстона не проходят незамеченными для Маргарет. Он говорит так потому, что беден, или потому, что чужак здесь, как и она сама? На миг она забывает о том, что старалась держать его на расстоянии.

– Что вы поняли из услышанного, мистер Уинтерс?

– А?.. Из слов старушки? А что там понимать? Все рассказывают одно и то же. Впрочем, я видел, что хала сделал с садом Харрингтонов, и, как мне кажется, поступил правильно. Обидно наказывать его за такое.

Хотя ответ он дает более уклончивый, чем она рассчитывала услышать, она невольно улыбается.

– Возможно, наши мысли сходятся.

– Да? А-а... – Уэстон робко отводит взгляд. – Так вы все-таки собираетесь записаться?

– Вы же слышали Джейме.

Волчья ухмылка скользит по его лицу.

– Это же еще веселее – делать что-то вопреки чужим желаниям, разве нет?

– Пожалуй.

– Пожалуй... – скептически повторяет он.

– Но это невозможно. У меня нет напарника, я не могу позволить себе заплатить за участие. Будь мама сейчас дома, у меня было бы больше свободного времени, чтобы подзаработать денег, но...

Он издает сочувственный взглас.

– А иначе так бы и поступили, да?

Вопроса глупее она никогда не слышала. Мира, в котором дело обстоит *иначе*, просто не существует. Но отрицать, что думать о таком мире соблазнительно, она не может. Маргарет позволяет себе погрузиться в эти мысли. А если бы ее победа убедила мать остаться? А если бы она разозлила Джейме? А если бы ее не парализовал страх? Да. Если бы она могла, она записалась бы сейчас же.

Возможно, вопрос, в сущности, не так уж глуп.

– Да, именно так. А вы?

Уэстон присвистывает.

– Я вот о чем: вы хотя бы *представляете* себе, что можно сделать, имея целых семьдесят пять долларов? Я бы убил за такие деньжищи. Проклятье, а уж за славу убил бы наверняка. Но дел у меня будет невпроворот, как только вернется ваша мама, и, как я уже говорил, участие в этой охоте – не для таких, как я... – Он осекается и хмурится. – А что?

До сих пор Маргарет не сознавала, что подразумевает ее вопрос. Как правило, алхимикам она не доверяет, но если речь об алхимике, над которым она обладает властью... Может быть, всего лишь может быть, Уэстон – решение ее затруднений. Он защитил ее от Джейме. В отчаянии он пообещал ей *что угодно* в обмен на позволение остаться в Уэлти-Мэноре. И если снимок, который он показывал ей, хоть что-нибудь да значит, у него есть сердце – по крайней мере, сейчас.

«*Спроси у него*». Если она спросит напрямую, возможно, его решимость пошатнется. Хоть он и юлил, он чуть ли не открыто заявил, что одержим мечтой о победе. «*И правда, почему люди вроде Джейме решают, что для нас, а что нет?*»

Но ее язык лежит во рту, неподвижный и бесполезный. Она едва знакома с Уэстоном, понятия не имеет, есть ли у него дар алхимика, и нет никаких гарантий, что он не отнимет у нее лиса, как только ему представится шанс. Несмотря на то что из алхимиков одна Ивлин верит, будто польза от хала не только в том, что его можно убить, проверив свои навыки, от такого трофея мало кто откажется. И потом, до сих пор Маргарет выжила лишь потому, что старалась стать как можно незаметнее, ни в чем и ни в ком не нуждаться. Желать чего-либо для себя – уже плохо, а при мысли о том, что придется признаться в своих *потребностях* Уэстону, ей кажется, что она готова перерезать себе глотку. Его отказ станет для нее сокрушительным ударом.

– Да просто так, – отвечает она.

– Ясно, – он запрокидывает голову, словно в поисках помех где-нибудь на потолке. – Ну, я нисколько не сомневаюсь, что от алхимиков, которые захотят записаться вместе с вами, у вас отбоя не будет. Так что, если вас останавливает только взнос за право участия, почему бы вам не поручить мне домашние дела, чтобы высвободить время? Я же обещал отрабатывать жильё и стол.

У нее скручивается желудок, ею овладевает тысяча разных чувств. В основном вина за то, что она поддерживает в Уэстоне надежду, и страх, что он предлагает ей способ принять участие в охоте. Сможет ли она в самом деле пойти до конца? Думать об охоте – одно дело. А участвовать в ней – совсем другое. В случае проигрыша она потеряет все. Тот самый хала может прикончить ее вместе с Бедокуром. Она может лишиться всех сбережений напрасно, не получив взамен ничего, кроме разочарования. Но если она так ничего и не предпримет, вряд

ли она сможет уважать себя впредь. Больше она не в силах просто сидеть и ждать, словно брошенный пес, когда наконец вернется Ивлин. Не в силах сжигать напрасно свой гнев и терпеть.

Девушкам вроде нее не до мечтаний. Они заняты выживанием. Обычно этого достаточно. Но не сегодня.

– Ладно, – говорит она.

– Ладно?

– Я разрешу вам помогать по дому.

– Отлично, – он медлит, его улыбка становится настороженной, словно он заранее готовится к отказу. – А если я буду стараться, вы перестанете избегать меня?

Она морщится – и, должно быть, заливается ярким румянцем, потому что он хохочет. Как ни странно, это приятный смех, дружеский и беспечный, хотя большинство его улыбок выглядят проказливыми и рассчитанными. Когда же в последний раз ей удавалось кого-нибудь рассмешить?

– Я подумаю, – после этих слов натянутость между ними отчасти тает.

Где-то в глубине под проницательностью Уэстона скрывается его доброе сердце. Но этого слишком мало, чтобы она почувствовала себя уверенно. Слишком уж часто она обжигалась о «добрых» людей, поэтому знает, насколько сильнодействующим ядом оказывается ненависть к ю'адир. Однако запись открывается только через две недели. Значит, у нее есть две недели, чтобы определить, можно ли доверять Уэстону, и собраться с духом, чтобы высказать ему просьбу. Две недели, чтобы заработать деньги на взнос. Две недели, а потом на нее будут устремлены взгляды всего Уикдона. По мере того как цель обретает в ней форму, она чувствует себя устойчивее и основательнее, чем когда-либо за последние годы.

Может, она и вправду слишком долго не жила, а откладывала жизнь на потом.

5

Уэс шипит, ободрав руку о занозистую рукоять колуна. Опять.

Он уже начинает жалеть, что не обсудил конкретные условия этой сделки. Четыре дня назад он сглупил, предложив Мэгги *что угодно* в обмен на жилье и кормежку. А теперь, под стук и шорох ветвей секвойи, похожие на звуки ветряных колокольчиков, понимает, что следовало поступить иначе. Все в этом лесу вселяет в него жуть, от силуэтов веток, похожих на сломанные руки, до настойчиво повторяющих его имя опавших листьев.

Кроны деревьев настолько густы, что едва просматривается раскрасневшийся лик неба, а стволы секвойи, прямые и высокие, – как прутья клетки, пленником которой он стал. Тьма, которая клубится между ними, густа, как туман, и – в этом он убежден – полна бдительных глаз. Ему никак не удается отделаться от мысли, что тот самый хала где-то там, только и ждет случая, чтобы вонзить в него зубы. Мама сказала бы, что глупо бояться, ведь душой он принял Бога, но теперь он в этом уже не так уверен.

Когда Мэгги спросила, интересуется ли он охотой, побороть искушение он не сумел. Дело не только в деньгах. Может, если он победит, люди будут не так косо смотреть на его банвитянско-сумистскую предысторию, когда начнет баллотироваться на государственные посты; в глазах общественности победитель охоты – все равно что герой войны. Но это так же маловероятно, как и другие его мечты. Никто в здравом уме не запишет на охоту алхимика без лицензии, который не прошел даже этап ученичества. И если уж на то пошло, не запишут и уроженца Банвы.

У Мэгги положение получше, чем у него – и репутация почище, и шансов на победу побольше. Это даже к лучшему, если ему откажут. Если под лапами хала гибнут целые сады, что же будет с таким слабым существом, как он?

Уэс откладывает колун, чтобы осмотреть рану. Там, где кожа не содрана, она натерта, вспучилась холмами водяных волдырей. В середине ладони зияет кровавая рана – он сорвал клочок кожи, неудачно взмахнув колуном. Кровь сочится из раны и заполняет линии на его ладони.

– Проклятье, – дыхание вырывается у него изо рта, словно дым.

Как бы ненавистно ни было признавать это, вид крови взвинчивает его. Мать нарасказывала ему достаточно старинных преданий, чтобы привить здоровый страх перед Богом и ситами. Достаточно, чтобы знать: пораниться до крови, находясь в одиночестве среди густого леса, – все равно что попросить неупокоенного короля Авартаха или какую-нибудь коварную эльфийку унести его к себе или даже хуже. Даже если это просто суеверие, он не намерен искушать судьбу, тем более что речь идет о злокозненной и непредсказуемой магии эльфов.

Уэс бросает взгляд в сторону дома. В окне с треснувшим стеклом он видит Мэгги, которая стоит у кухонного стола и режет морковь так серьезно, словно совершает обряд поклонения некоему овощному божеству. Заходящее солнце заглядывает в дом, над плитой бликуют медные кастрюли, кухня словно купается в сияющей золотистой пылице. В этом сиянии Мэгги почти милостива. Почти. Уэс с трудом отводит взгляд от нее.

С невольной грустью он вспоминает холодную точность, с которой она разделявала курицу, и полосы грязи, как браслеты, на ее мускулистых руках. Наверное, она бы наколола целую гору дров вдвое быстрее, чем он. В столице ему не приходилось так позориться – главным образом потому, что в своей квартире они круглый год изнемогали от жары. Но даже будь в ней холодно, современная техника и алхимия...

Его вдруг осеняет. Ведь ему же *надо* практиковаться в алхимии до возвращения Ивлин. Без оборудования его возможности ограничены, однако понадобятся лишь самые простейшие трансмутации, чтобы колоть дрова стало гораздо легче. А уж как обрадуется Мэгги.

Уэс садится на колоду, находит на земле камень и ветку. Как только он выделит *coincidentia oppositorum* – жидкую сущность камня, – с ее помощью он зачарует колун. По идее, он должен стать острее, прочнее и эффективнее.

На одной ладони он изображает алхимическую формулу нигредо, старательно надписывает по периметру символы химического состава камня. Кремнезем и кислород – довольно просто. Обоснованной догадки здесь больше, чем чего-либо еще, но, по прикидкам Уэса, он достаточно близок к истине, чтобы разложить основную массу камня на что-нибудь более полезное. Разрушение чего бы то ни было всегда давалось ему легко.

Закончив схему, он сжимает камень в кулаке и придает направление своему внутреннему потоку магии. Белое пламя ножом рассекает углубления между пальцами, серный дым ластится к его руке, словно кот. Когда Уэс разжимает кулак, на ладони он видит обугленную кучку *carut mortuum*. Она пузырится и вздыхает беспокойно, как болотная вода. Из-за неточности вычислений результат не так стабилен, как хотелось бы Уэсу, но для работы его хватит.

Затем – альбеде, очищение и вторая стадия процесса алхимических преобразований. Требуется изрядное мастерство – и опыт, приобретенный методом проб и ошибок, – чтобы выжечь все, что не относится к сущности объекта. Если нигредо – чистая химия, то альбеде – наитие. Владение им отличает просто сведущих алхимиков от выдающихся. Желудок Уэса сводит от ужаса.

Расслабься, велит он себе. Он бесчисленное множество раз видел, как производили альбеде. Так много учителей пытались вдолбить в него эти знания.

«Никчемный. Необразованный. Ленивый». Когда-нибудь он докажет, как все они ошибались в нем.

Как только он заканчивает писать формулу и приводит ее в действие, над его ладонью взмывает огонь. Уэс разжимает пальцы и смотрит, как *carut mortuum* белеет, словно кость, оставленная на солнце. Она медленно превращается в белую жидкость, сверкающую, как алмаз. Вот она, *coincidentia oppositorum*.

Часть жидкости утекает между его пальцами и впитывается в полузамерзшую землю. Пока не упустил все, Уэс выливает жидкость на обух колуна и рисует в грязи под ним формулу для рубедо – последней стадии, процесса растворения. Тем самым он заканчивает насыщать колун неотъемлемыми свойствами камня. Металл наливается алым светом, который и дал название «рубедо», потом тускнеет, становится серым, как остывающая сталь. Жизнь Уэса уже совсем скоро станет гораздо легче.

Но при попытке вскинуть колун он обнаруживает, что тот стал невыносимо тяжелым. Ему едва удается приподнять его на дюйм над землей, и ослабевшие руки роняют его.

– Вот дерьмо, – бормочет он.

Он совсем *не* этого хотел, хотя, пожалуй, способен понять, почему проведенная им трансмутация имела непредвиденные побочные эффекты. Из одних камней удастся выделить только прочность, из других – остроту... Нет, сейчас не время анализировать ситуацию. Мэгги убьет его, узнав, что он натворил. Надо хотя бы спрятать улики или сделать вид, будто ничего не произошло, пока он не сообразит, как отменить воздействие чар.

– Что вы там делаете?

Панику Уэса рассекает голос Мэгги. Она стоит на веранде, одетая в толстую вязаную кофту и незашнурованные кожаные ботинки, но даже в таком виде как-то ухитряется выглядеть внушительно.

– Ничего! Как раз заканчиваю.

Должно быть, она уловила его страх или распознала его в том, как суетливо он бросается собирать щепки на растопку, потому что нахмурилась и направляется к нему. От каждого шороха листьев под ее ногами у него подскакивает давление.

Какой же он незадачливый.

Не дойдя пяти шагов до него, она застывает как вкопанная, ноздри раздуваются. В глазах возникает странный тусклый свет. Он узнает этот ее вид: тот же самый, как перед уходом на церемонию открытия. Она выглядит так, будто в нее вселился призрак, и словно вдруг уносится за тысячи миль отсюда.

– Эм-м, мисс Уэлти?..

Мэгги вздрагивает, ошеломленно хлопает глазами, уставившись на него. Голосом, который звучит как спросонья, она выговаривает:

– Пахнет алхимией.

– Что, правда?

– Да. – Она многозначительно устремляет взгляд на начертанные грязью символы на его ладонях. Он поспешно сует их в карманы, но выражение ее лица вдруг смягчает любопытство. – Так вы уже умеете пользоваться алхимией?

– Разумеется, умею, – вырывается у него более желчный ответ, чем он хотел бы дать.

– Вы говорили, что во всех прочих ученичествах потерпели неудачу.

– Никогда я такого не говорил. Вы сами пришли к такому выводу. И правильно сделали, но это к разговору не относится. – Обмякнув, он садится на колоду и стонет. – Клянусь, не такой уж я плохой алхимик. Просто... экзамены сдаю неважно.

– В таком случае, посмотрим.

– Ну-у... э-э...

Ей требуется всего секунда, чтобы выведать, что он хотел скрыть. Она наклоняется, чтобы поднять колун, и чертыхается сквозь зубы, не сумев даже сдвинуть его с места. Ее лицо кривится, на нем отражается причудливая смесь замешательства и досады.

– Он же тяжелый как наковальня. Что вы с ним сделали?

– Я пытался проявить находчивость! Просто вроде как что-то напутал с химией.

Она смотрит на него исподлобья.

– Нельзя совершать трансмутации, если не умеете. Это опасно.

– Кто сказал? У меня появилась гипотеза, я ее проверил. Это же наука.

– Нет, не наука. А порча имущества.

– Да я все исправлю, клянусь вам!

Мэгги встряхивает головой, словно разубеждает себя говорить то, что ей хочется. Потом с чопорным видом вытирает пыль с рук о юбку.

– Делайте что хотите. Желаете играть с огнем – ваше право.

В ее словах слышится такое разочарование, что Уэсу кажется, будто он провалил очередной экзамен, даже не подозревая, что сдает его. В отчаянной попытке спасти хотя бы частицу своей гордости он говорит:

– Я немного дров наколол – может, подойдет в качестве утешения.

Она переводит взгляд на жалкую кучку растопки у его ног.

– Слишком толстые щепки.

– Я могу наколоть их потоньше, – с несчастным видом предлагает он. Ладони протестующе пульсируют болью.

– Нет. Просто... оставьте, – роняет она в изнеможении, словно он – самый никчемный человек, с каким ей только выпало несчастье говорить. – Я сама разберусь с ними потом. Идите в дом, пока не простудились.

Уэс старается не думать о ее последних словах, шагая следом за ней. В доме едва ли теплее. Бедокур, свернувшийся клубком у двери, испускает протяжный, трагический вздох, когда они входят. Уэс дружески толкает его носком ботинка. Бедокур кряхтит, пытаясь перевернуться на бок, и поджимает хромую лапу. Встав рядом с ним на колени, Уэс услужливо чешет ему бок. Шорох кажется гулким в мрачном молчании из кухни. Немного погодя оттуда доносится «тук-тук-тук» ножа Мэгги.

Внезапно его поражает мысль о том, какую же тоску наводит происходящее. И это ее *жизнь*.

Ему невольно вспоминается, как Джейме обошелся с ней в пабе, а также слухи, которые долетали до него еще в Дануэ – что Ивлин Уэлти чудовище и отшельница. Хоть он ее и в глаза не видел, его не покидают мысли о том, есть ли хотя бы толика истины в этих слухах. Что же это за мать, если она бросила дочь одну на долгие месяцы?

Мэгги, вероятно, уже хватило общения с ним на сегодня, но он считает, что его компания наверняка лучше, чем никакой. Порой он ловит на себе ее взгляд – такой, будто она собирается о чем-то спросить его. И потом, ему нравится, как от раздражения меняется ее лицо. Когда она пытается удержаться от упреков, ее глаза блестят гораздо ярче.

– Пес говорит, что больше любит меня, – с хитрым видом заявляет Уэс.

– Это не пес, а кунхаунд.

– Ладно. Этот *кунхаунд* говорит, что меня любит больше.

Мэгги не удостоивает его ответом.

Уэс сникает. С несущественного замечания такого рода у него дома могла бы начаться целая война. При одной мысли о сестрах его сердце становится тяжелым, как его заряженный алхимией колун. Он вновь тоскует по дому. Хуже того, ему одиноко. Сюда никто и никогда не ходит в гости. Все уверяли его, что в глубинке Нового Альбиона уютно, как под вязаным пледом, что люди здесь душевнее, чем в большом городе, а узы между ними прочнее. Как было в Банве, до того как посевы поразила ржа, а голод выкосил селян. Никто из тех, от кого он это слышал, явно не бывал в Уикдоне.

На протяжении нескольких недель после смерти отца квартира их семьи постоянно принимала гостей. Сколько крепких объятий он вынес! Сколько обедов домашнего приготовления они с трудом втискивали в свой ледник! Сколько траурных песен сыграли! Порой от этого становилось душновато, но теперь он ничего не жаждал так, как этих проявлений любви. Знает ли Мэгги вообще, чего лишается?

Уэс старается не поддаваться сочувствию к ней. Она не проявила интереса ни к одному белому флагу дружбы, выброшенному им, и он вряд ли забудет, какими были ее глаза, когда она рявкнула «Мне пора» в ответ на его вопрос, не плохо ли ей. Хрупкое чувство товарищества, возникшее между ними вчера, разрушилось, и Уэсу опять так же одиноко, как в первый день, проведенный здесь.

– Слушайте, – говорит он неожиданно угрюмо, – а телефон у вас есть?

– Телефонная будка в городе.

Ну само собой, до ближайшего телефона пять миль. Он уже совсем не удивляется.

Не ответив, он встает и свистом зовет собаку. И не может не заметить, каким кислым становится лицо Мэгги, когда Бедокур потягивается, встряхивает ушами и послушно трусит за ним. Возможно, не только ему, Уэсу, захотелось глотнуть свежего воздуха.

– Возьмите его на поводок, – советует она ему вслед. – Иначе за границы усадьбы он не выйдет.

Он слышит в ее голосе невысказанное предостережение: «*Я вам не доверяю. Вдруг вы его потеряете*».

– Да-да, – Уэс хватается за поводок с крючка на вешалке и пристегивает его к ошейнику Бедокура.

Пока они идут вниз по горной дороге, Уэс пытается убедить себя, что поступает правильно, оставаясь здесь. Всю его жизнь Мад и учителя называли его лентяем, бездельником, канительщиком. Из тех парней, которые выезжают за счет поверхностного обаяния. Все это больно ранит, но ведь он же не давал им оснований считать иначе. Он не виноват в том, что родился дружелюбным, однако именно он превратил это свойство в щит против собственного отчаяния. Какая разница, если бы Мад узнала, что груз неудач раздавил бы его, если бы он

позволил? Относиться к нему лучше она бы не стала. И вот он здесь, прикидывается дровосеком и попусту растрчивает жизнь. Наверное, ее презрение он заслужил.

Господи, ему просто необходимо поговорить с мамой, пока угрызения совести не доконали его.

К тому времени, как он добредает до одинокой телефонной будки, стоящей на страже над городом, он весь дрожит и отдувается. Нипочем ему не привыкнуть к таким склонам. В будке царят промозглый холод и туман, стекло заиндевело, прожилки на узоре серебрятся от лунного света. Бедокур плюхается к его ногам, а Уэс скармливает аппарату монеты и набирает домашний номер.

После второго гудка кто-то берет трубку.

– Алло?

Вероятно, впервые в жизни голос Кристины наполняет его чем-то вроде счастья.

– Эй, это я, – в трубке тишина. – Кристина?

– «Я»? Какой такой «я»?

Уэс зажимает пальцами переносицу.

– Уэс.

– Уэс... Хм-м... Не знаю я никакого Уэса...

– Очень смешно. Можешь позвать к телефону маму?

– А-а, Уэс! – Он слышит, как она щелкает пальцами, и ее голос смягчается от притворного узнавания. – Мой милый единственный братик Уэстон! Ты так давно не звонил, что я уж забыла твой голос. Говоришь, позвать к телефону Мад?

Он морщится.

– Нет. Я просил позвать маму.

– А, значит, Коллин!

– Нет, – если она позовет Коллин, ему не вырваться от нее. Он слишком удручен, чтобы вести с ней разговоры. – Господи, да нет же. Я с платного телефона. Позови маму.

– Ладно, – он с ужасом слышит в ее голосе улыбку. – Коллин! Уэс хочет с тобой поговорить.

Ах ты ж.

Вслушиваясь в их слабые голоса, он представляет себя дома. Они собрались бы в гостиной, включили радио. Кристина пристроилась бы на диване, прижав телефонную трубку подбородком. Эди влезла бы к нему на колени и потребовала поиграть с ней. Коллин без умолку болтала бы о бейсболе, химии или еще о каком-нибудь увлечении, которым загорелась на этой неделе. А Мад прислонилась бы к раме открытого окна, зажав в пальцах лакированный мундштук.

Боже, как же ему хочется туда. Хочется так, что глазам становится горячо. Он стряхивает с себя эти ощущения как раз в тот момент, когда трубку берет Коллин, его четырнадцатилетняя сестра.

– Уэс!

– Привет, Фасолька. Слушай, у меня всего минут пять, потом разговор прервется. Можешь позвать маму?

– Ага! – Он слышит, как скребет по полу ножками придвинутый стул. И без труда представляет, как она садится на него и тербит пальцами телефонный шнур. – Я по тебе уже соскучилась. Как там Уикдон? Когда приедешь домой? Друзей нашел? А *девушку*? Как твое ученичество? Как...

– Прекрасно! Все просто замечательно.

– Еще не вылетел?

– Еще нет! – Если улыбаться пошире, наверное, и в голосе послышится улыбка. – Удивительно, правда?

– Ой, вот здорово. Да, миссис Коннор спрашивала о тебе сегодня утром. Ты же давно не заходил, вот она и забеспокоилась. И ее дочь тоже была там, и она прямо *убита* из-за того, что ты уехал. Убита.

– Которая? Джейн? Та, что с птицей?

Эту птицу он терпеть не может. У него до сих пор остался шрам – это она клюнула его в ухо.

– Она самая.

Уэса озадачивает услышанное. Они с Джейн разве что десятком слов перебросились, но он считает, что в ее привязанности виноват сам – не надо было при каждой встрече называть ее красоткой. Как бы ему ни хотелось посплетничать о старшей дочери мясника, часы тикают. Пустой бумажник жжет карман.

– Передай ей... что спросить обо мне – очень любезно с ее стороны. И позови все-таки маму.

Звук в трубке приглушен, словно Коллин зажала ее ладошкой. Уэс в тревоге выуживает из кармана еще монету, и она громко звякает, проглоченная прорезью. Преппирательства, которые он слышит, уверенности ему не прибавляют, но наконец битва за телефон завершается.

На этот раз в трубке слышен мамин голос:

– Уэс, это ты?

Этот голос наполняет его теплым облегчением. От него исходит атмосфера дома.

– Привет, мам.

– О, *leanbh!*² Как приятно слышать твой голос. Как ты? Очень там холодно? Ты пальто взял? Тебе тепло?

– Тепло, мама. Не беспокойся.

– Как это «не беспокойся»? Ты же восемнадцать лет меня знаешь. Не могу я не беспокоиться.

– Знаю. Извини. Да, я... – Уэс делает вдох, чтобы собраться с мыслями, и продолжает своим самым взрослым голосом: – Я не хочу, чтобы ты беспокоилась. Больше тебе незачем беспокоиться за меня, понимаешь?

– Так тебя взяли в ученики?

– Ага, – он морщится, произнося эту наглую ложь. – Взяли, само собой.

– Тебя взяли? Потрясающие новости! Я так тобой горжусь.

«Если бы ты видела меня сейчас, поняла бы, что гордиться нечем». В какой момент жизни вранье вошло у него в привычку? С другой стороны, разве у него есть выбор? Не может же он снова разбить ей сердце. Какой же он тогда сын, тем более после того, как пообещал отцу заботиться обо всей их семье?

– Спасибо.

– Ну, выкладывай! Рассказывай все по порядку.

– Да все отлично. Всего-то несколько дней прошло. Магистр Уэлти... э-м-м... предоставляет мне возможность много заниматься самостоятельно.

– Только не перетрудись. Не хватало еще тебе стать затворником. Друзей уже завел?

– У нее есть дочь моих лет. Она очень... – подходящее слово для Мэгги находится не сразу, – славная.

– С тобой там хорошо обращаются?

– Да. Все замечательно, честно. А ты как?

– Да вот говорят, опять плату за жилье повысят, что делать будем? А так все мы здоровы и счастливы. Это главное. Бог даст остальное.

В телефоне слышен гудок – предупреждение, что остались считанные секунды.

² Ребенок, малыш (*ирл.*) – Прим. пер.

– Слушай, у меня истекает время, я с платного телефона. У Уэлти телефона нет, так что, если понадобится, звони в гостиницу «Уоллес-Инн». И я постараюсь сразу перезвонить, хорошо? Я тебя люблю.

– Ой, тогда все, отпускаю тебя. Люблю те...

В трубке становится тихо, Уэс выпускает прерывистый вздох. Как можно быть таким эгоистом и возлагать все надежды на Мэгги, когда вокруг его семьи все туже затягивается петля? Но до возвращения Ивлин осталось всего полторы недели.

Он вешает трубку на рычаг и сует руки в карманы. Как же холодно, а ему еще тащиться пять миль до Уэлти-Мэнора. Но можно пойти в другую сторону – идти и идти, пока море не поглотит его. Вот и простое решение всех его проблем.

Но сдаться – это не выход. Положение его семьи не изменится, если он вернется и найдет работу в доках или где-нибудь на заводе – при условии, что его хоть куда-нибудь возьмут. Плату за жилье все так и будут повышать. Иммиграционные законы продолжают ужесточаться. От того, станет он учеником Ивлин Уэлти или нет, зависит все. В буквальном смысле все. Ему остается лишь надеяться, что он сумеет проявить достаточную убедительность, когда она наконец вернется.

6

По дороге домой из Уикдона Маргарет смотрит, как Уэстон и Бедокур рысцой бегут впереди нее, исчезая и вновь появляясь в тумане, медленно плывущем вниз по склону горы. Туман холодный и серый, зато листья под ногами горят яркими осенними красками, и Маргарет почему-то легко, как не бывало уже много недель. Проведя всю неделю на охоте, она выменяла пяток добытых шкур, и теперь ей хватает сбережений и на взнос, и еще на недельный запас еды. Странная штука эта свобода, купленная ценой страданий в компании Уэстона.

«Уэстон». Она пробует произнести его имя, ощущая его губами.

Смех, с которым он гоняется за Бедокуром, удивляет ее, пробуждая не что-нибудь, а *нежность*, хоть она и подумывает прикрикнуть, чтобы он ненароком не растряс покупки, которые несет. Но возможно, она слишком строга к нему. Благодаря Уэсу у нее появилось время потренироваться, ни на что не отвлекаясь. Уже много лет дремотное однообразие ее дней не отмеряло ничто, кроме домашних хлопот. Ленивые завершения дней вроде этого напоминали ей, как когда-то она только и делала, что носилась с Бедокуром по лесам. Впервые с тех пор, как она лишилась семьи, ей кажется, что она почти счастлива.

Запись участников Полулунной Охоты открывается через два дня, а Маргарет так и не набралась смелости попросить Уэса записаться вместе с ней. Каждый раз, представляя, как сообщает ему о том, что она ю'адир, леденеет. Но пожалуй, больше всего пугает ее отсутствие выбора, кроме как признаться, почему хочет участвовать в охоте и почему они обязаны победить. От этого зависит исполнение мечтаний их обоих. Маргарет еще не готова связать свою судьбу с его судьбой, но больше не может позволить страху сковывать ее.

– Идемте, мисс Уэлти, – зовет он ее, оглянувшись через плечо, – а то так день и пропадет впустую.

Вот в такие-то моменты она и убеждается, что ее сдержанность оправданна. Если они начнут работать вместе, месяц подготовки он не переживет. Она свернет ему шею задолго до того, как прозвучит стартовый выстрел.

Они углубляются в лес, ей становится зябко. Земляничные деревья уже наполовину облетели, кора отслаивается со стволов длинными, тонкими, как бумага, полосами, а секвойи высятся над путниками, надежные и неподвижные, как все предыдущие тысячелетия. Древность этого леса всегда придавала ей уверенности. Лес видел, как она росла, теперь увидит, как она умрет. Казалось бы, надо находить утешение в этой определенности, в этом близком знакомстве. Но сегодня в нем ощущается угроза. Тени скалятся на периферии ее зрения, шорох листьев звучит так похоже на ее имя.

«Маргарет, Маргарет, Маргарет».

Короткие волоски у нее на затылке встают дыбом. Бедокур обегает круг, возвращается к ней и склоняет голову набок, нерешительно повиливая хвостом. Она касается кончиками пальцев его головы, чтобы успокоиться.

– Вы слышали? – настораживается Уэстон.

– Только ветер.

Он бросает на нее скептический взгляд.

– Я...

Оглушительное «крак» прокатывается по лесу, его повторяет эхо, стаи ворон с карканьем взвиваются в небо, точно клубы дыма.

Ружейный выстрел.

Молчание, которое следует за ним, обрушивается на Маргарет всей тяжестью. Все вокруг замерло, словно целый мир затаил дыхание. Ей не следовало бы удивляться тому, что другие охотники оттачивают в лесу меткость или притравливают своих гончих, но слишком уж близко

они делают это к ее дому. Любопытство одерживает над ней верх, и вскоре она уже углубляется в подлесок, сопровождаемая по пятам Бедокуром.

– Эй, мисс Уэлти! Вы куда?

Она не отвечает, но не проходит и минуты, как он с треском ломится за ней, волоча их покупки пристроенными на бедре.

– Стоит ли бежать *на* звук выстрела?

– Если вы так беспокоитесь, отправляйтесь домой и разложите пока припасы.

– Я же не знаю, где что лежит, а вы опять осерчаете на меня, если я что-нибудь напутаю.

– Тогда идите следом и не нойте.

Уэстон выпускает страдальческий вздох и бредет за ней по оленьей тропе. Заросли сменяются рощицей, где стайки секвой стоят, прислонившись одна к другой, точно давние друзья. Едва Маргарет видит, кто стрелял, она раскаивается в том, что поспешила на звук.

Джейме Харрингтон и его закадычный приятель Зак Мэттис.

Рослый и нескладный Мэттис похож на медведя в жилетке. В руках у него все еще дымящееся ружье, и даже сквозь едкую пороховую вонь Маргарет чует запах смазки, которой он щедро умастил черепаховые щечки на прикладе. Оружие у него прекрасное, он его недостоин. С тех пор как Маргарет знает его, он не в состоянии попасть в стену с расстояния двух футов. И, судя по ехидному хихиканью Джейме, сегодняшний день не исключение.

Если бы не поднятый ею шум, она могла бы улизнуть незамеченной. Но пятясь, она натывается на Уэстона, и тот отскакивает от нее как ужаленный.

Джейме оборачивается к ним, словно ветер принес их запах, а он его учуял. И медленно расплывается в улыбке, которая почти сразу становится кривой.

– По лесам рыскаешь, Мэгги?

– В воздух палишь?

Мэттис зло зыркает на нее.

– Рот закрой.

– Не обращай на нее внимания. – Джейме сплевывает на землю.

Мэттис следует его совету и принимается заряжать ружье, что полностью устраивает Маргарет. Однако Джейме крадущейся походкой направляется к ней и Уэстону, поблескивает светлыми глазами, как хищник.

– Ну чем не симпатичная парочка?

– Не понимаю, о чем ты, – отзывается Маргарет.

– Да ладно тебе. Никогда не видел, чтобы ты общалась с кем-нибудь по своей воле – по крайней мере, дважды. Нашла себе еще одну приبلудную шавку?

Уэстон рядом с ней моментально ошетинивается.

– Кого это ты назвал?..

Маргарет взглядом заставляет его замолчать.

– Мы уже уходим. Извините, что помешали.

– Что? Нет, задержитесь ненадолго, – взгляд Джейме останавливается на ружье, висящем у нее за спиной. – Ты ведь потренироваться сюда пришла, да?

Маргарет не отвечает. Если Джейме не узнает о ее намерениях записаться на охоту, покой ей обеспечен хотя бы на несколько ближайших дней.

– А, ну как же, как же. Тебе не по карману, ведь эта ведьма, твоя мать, опять бросила тебя. Разве что ты пустила в ход свою деловую хватку.

От этой колкости лицо Маргарет вспыхивает. Мэттис гогочет, заслужив этим раздраженный взгляд Джейме.

Уэстон вклинивается между ними, словно пытаясь загородить ее.

– Тебе что, правда некуда девать время? Отстань от нее, понял?

– Так отчаялся, Уинтерс, что надеешься хоть таким способом чего-нибудь добиться? – Джейме делает паузу, и вдруг его лицо оживает, будто его осенила блестящая мысль. – Или же дело в том, что ты не знаешь, кто она такая?

Маргарет делает резкий вдох.

– Джейме, *не смей*.

Его улыбка становится злорадной.

– Значит, он не знает.

Издали слышен чей-то вопль.

В нем слились воедино горе и ужас. На миг Маргарет мерещится в этом вопле эхо голоса Ивлин. Прилив воспоминаний затуманивает глаза. В груди теснит, запах серы раздражает горло, будто когтями, и рвется наружу. Бедокур прижимается к ее ноге – якорь в нарастающем приливе страха.

«*Ты здесь*», – жестко напоминает она себе.

– Откуда это? – спрашивает Мэттис.

– Единственное, что есть с той стороны на ближайšie мили, – ферма Халананов. – Лицо Джейме обмякает, становится озабоченным. И это ранит Маргарет сильнее, чем она готова признать. Как свидетельство, что он не всегда ведет себя мерзко – и не со всеми. – Идем, Мэттис.

Парни срываются с места бегом, пересекая поляну. Едва они с Маргарет остаются вдвоем, Уэстон нерешительно кладет руку ей на плечо.

– Эй, с вами все хорошо?

Она вздрагивает, отшатывается от него и переполняется ненавистью к себе, увидев, каким виноватым становится его лицо и как безвольно повисает рука. Им обоим было бы легче, если бы он перестал замечать моменты, когда с ней хорошо далеко не все.

– Надо идти.

– Что?.. *Зачем?* Вы что, в самом деле пойдете за ними?

За долгие годы от Марка Халанана она не видела ничего, кроме хорошего, и часто загоняла за изгородь его кур и телят, когда он сам был не в силах собирать их. Как бы ее ни ужасала мысль о том, чтобы по своей воле провести хотя бы одну лишнюю секунду рядом с Джейме, ей надо идти.

– Я же говорила – если хотите, идите домой.

– Нет. Я не оставлю вас с ними одну. – Он медлит в нерешительности. – Слушайте, я не знаю, о чем он говорит, и вам незачем объяснять мне, если не хотите. Но что бы кто ни говорил, это не заставит меня обращаться хоть с кем-нибудь так, как он обращается с вами. Поверьте, я-то знаю, я сам достаточно натерпелся.

У Маргарет перехватывает дыхание. Больше недели она не могла подобрать слов, чтобы вытянуть из него необходимые ей сведения, а он вдруг сам выдал их. Она вглядывается в лицо Уэса, высматривает признаки обмана, но выражение на нем кажется предельно искренним. Это создает ощущение надежности – и что-то вроде родственных чувств. Если она поблагодарит его, если хотя бы признает, как это важно для нее, самообладание она может и не сохранить. И она говорит только:

– Хорошо. Только не задерживайте меня.

– Не буду.

Бок о бок они устремляются вслед за Джейме и Мэттисом. К ее изумлению, ни один не пытается протестовать, обнаружив, что за ними следуют по пятам. Ветки хрустят под их ногами, ежевика царапает голую щиколотку под краем штанины рабочего комбинезона. К тому времени, как они вваливаются во двор Халананов, небо уже покрыто гневными, мертвенно-багровыми пятнами. На его фоне отчетливо вырисовывается дом на ферме. Ветер ерошит густую рожь. Они пробираются через поле, пока рожь не редет и не сменяется пастбищем.

Забор проломлен, отчасти обуглен, доски разбиты в щепки, в воздухе висит острая вонь серы. «Мертвые головы» усеивают землю, как почерневший снег, липнут к подошвам их обуви.

Алхимическая реакция.

Этот запах отделяет ее разум от тела, мир вокруг рябит, становится пульсирующим, как во сне. Маргарет кажется, будто она голодными глазами леса следит, как сама проскальзывает сквозь неровный пролом в заборе. Бедокур рядом с ней подрагивает, готовясь к погоне. У него в груди нарастает ворчание.

– Тихо, – велит она.

Пока они идут через пастбище, от нарастающей гнилостной вони желчь подкатывает к горлу. Сквозь звуки собственного дыхания она различает гудение множества мух. Джейме обходит ее, вдруг издает возглас отвращения. Он поднимает ногу, и Маргарет видит, что подошва испачкана чем-то красным. На свету оно блестит, как гранат.

– Что за?.. – бурчит он. – Это что, кровь?

Ею забрызгана трава, она образует жуткую тропу, ведущую к дому. Обойдя вокруг конюшни, они замирают. На поле лежит не меньше пяти коров, туши которых окутаны туманом. А справа возле их ног – белый пони Халанана. Маргарет со свистом втягивает воздух сквозь зубы.

Горло Рафинадки вспорото, шерсть свалаялась от крови и пепла. Чернеющие полосы разложения и глена змеятся вокруг ее шеи, истекая кожным салом и *coincidentia oppositorum*. Но Маргарет мутит не от этого, а от мух, кишаших на трупе. Ей вспоминаются мелкие, пронзительно-кислые яблочки, которые никто не собирает. К концу сезона они падают с веток, усеивают землю, лопаются и сплошь покрываются мухами.

Скрипит, распахнувшись, дверь фермерского дома, на веранду нетвердым шагом выходит Халанан с дробовиком в руке.

– Что вам здесь надо, ребята?

– Мы слышали, кто-то кричал, – говорит Джейме.

– Это мой муж, – Халанан проводит пятерней по волосам. – Спасибо, что зашли проведать, но теперь вам пора домой. Темнеет уже.

– Что, черт возьми, здесь случилось?

– Тот самый хала, – угрюмо говорит Халанан.

И двух недель не прошло, а скот уже начал гибнуть. Маргарет с ужасом думает о том, что же будет к началу полнолуния.

– Мы можем прогнать его от вас подальше, – предлагает Джейме.

– Ни в коем случае. Что скажет твой отец, если узнает, что я позволил тебе болтаться по лесам, когда эта *тварь* разгуливает на свободе?

Джейме шаркает ногой об землю.

– Да ему без разницы.

– Да неужели? А ты что скажешь, Закари? – хмурится Халанан. – Думаешь, твоя мать поблагодарит меня за известие, что тебе оторвали руку? Или случилось что-нибудь похуже?

– Нет, сэр, – бормочет Мэттис.

Прежде чем Халанан переводит внимание на Маргарет, воздух вокруг них густеет. Становится неподвижным и морозным, как за мгновение до начала первого снегопада. Потом ветер со свистом пролетает по траве. Он приносит смрад смерти – и звуки ломкого, раздраженного, неопределенного голоса.

«Маргарет».

Она круто оборачивается и видит, что у забора стоит тот самый хала. Ужасный миг предчувствия – и его немигающие белые глаза устремляют взгляд на нее. Это все равно что ухнуть в ледяную воду. Глаза хала горят, зловеще яркие в серой мгле.

– Почему он стоит? – тихо спрашивает Уэстон.

– Джейме... – скулит Мэттис. – Что нам делать?

Порой Маргарет ему сочувствует: Джейме превратил его в беспомощного спутника. Мэттис ничем не лучше щенка, который зависит от хозяйской похвалы и наставлений.

– Мы идем за ним, – ветер ерошит светлые волосы Джейме, совсем как рожь за его спиной. В такие моменты Маргарет кажется, что он мог быть почти великолепным, если бы захотел. Ей ненавистно то, что у него есть выбор, а у нее нет. Даже если в этом городке не находится для нее ни толики любви, это все-таки ее дом, и она так устала от стараний Джейме вызвать у нее совсем иные чувства. Будто она не имеет даже права постоять за себя.

Мэттис прижимает ружье крепче к груди.

– Что-то я даже не знаю...

– Соберись, – рывкает Джейме, уже направляясь к забору. – Мы идем.

Маргарет следует за ним, отстав на несколько шагов.

– И я с вами.

– Черта с два.

Бедокур издает низкий нетерпеливый вой.

– Бедокур, след, – другого приглашения ему и не требуется. Бедокур с воем устремляется через поле как раз в тот момент, когда лис разворачивается и ускользает за ограду пастбища. – Кунхаунд мой. Хочешь пройти по следу без него – флаг в руки.

С раздраженным рыком Джейме отзывается:

– Ладно. Идем.

Маргарет переводит взгляд на Уэстона. И замечает в нем то, от чего у нее перехватывает дыхание. У него неистовый вид – от восторженных ветром черных волос до блеска в глазах, в которых страх смешался с воодушевлением. В тусклом свете они приобрели оттенок сердцевины мокрой секвойи. Он и в самом деле неистовый и дикий, но при этом так же знаком и надежен, как местный лес. Облизнув губы, он говорит:

– Я все равно с вами.

– Тогда идем.

Халанан смиренно разводит руками.

– Только осторожнее, ладно?

Они следуют за Бедокуром за забор и обратно в лес, под низко нависающие, как ловушки, ветки, и вверх по откосам в густой папоротниковой бороде. Кровь шумит в ушах Маргарет, она уже много лет не чувствовала себя настолько живой. По мере того как садится солнце и его сменяет луна, сочащийся сквозь деревья свет становится кроваво-красным. Впереди улюлюкают и вопят парни, темными силуэтами рисуются на фоне неба оттенка пожара в лесу. Лаёт Бедокур, его лай кабаном ломится через подлесок.

Они бегут, пока не достигают поляны и видят его там – бледного, как луна, пристроившегося на ветке. Бедокур с торжествующим лаем обегает вокруг дерева. Есть что-то удивительно *понимающее* в том, как хала смотрит на нее. Но прежде чем она успевает об этом задуматься, Мэттис вскидывает ружье. Прицеливается и начисто сносит ветку. Содрогнувшись, она со стоном обрушивается на землю.

– Кретин! – срывается Джейме. – Да на тебя же толпой набросятся, если ты укокошишь его до начала охоты!

– Полную луну видишь? – огрызается Мэттис. – И ружье даже без алхимии! Я просто пытаюсь его вспугнуть.

– С дороги. – Маргарет расталкивает их локтями и снимает ружье с плеча. Кажется, ей представилась возможность. Она затаивает дыхание, поднимает ствол, оружие тяжело укладывается ей на ключицу. В перекрестья прицела она видит засохшую кровь на морде хала и его непрозрачные белые глаза. От ненависти начинает быстрее колотиться ее сердце.

Демиурги погубили ее.

Семь лет назад ее мать пыталась выделить первовещество из рога другого демиурга – из обломка реликвии, который она украдала из сумистской церкви в Умбрии. Это была худшая ночь в жизни Маргарет. В памяти сохранилось немного, но она навсегда запомнила, как укладывала мать в постель, как вычесывала засохшую кровь из ее волос, а мать непрерывно шептала: *«Это еще не конец»*.

Если Маргарет победит, тогда он и наступит.

У нее дрожат руки. Хала ведет себя неестественно. Любой другой лис сражался бы не на жизнь, а на смерть, а хала просто сидит, аккуратно обернув хвост вокруг лап. Будто знает, что они просто ведут игру. Будто знает ее. Рядом с ней Уэстон смотрит на хала во все глаза, словно узрел лик Божий. Его губы шевелятся в безмолвной молитве.

Маргарет стреляет, сквозь звон от выстрела у нее в ушах не слышны вопли Джейме. Ее окутывает дым. А когда он рассеивается, хала уже исчез, но там, где была его голова, кора дерева расщеплена, как перебитая кость. Из раны сочится смола, густая и темная, как венозная кровь.

– Видишь? – говорит Мэттис, явно чувствуя свою правоту. – Он исчез.

– Да только не благодаря тебе. – Джейме обрушивается на Маргарет: – Удачный выстрел!

– В таком случае надейся, что моя удача скоро иссякнет. Я записываюсь на охоту.

С таким же успехом она могла бы нарисовать мишень у себя на спине, но удовольствие увидеть, как челюсть Джейме отваливается, словно на шарнирах, того стоит. Маргарет круто поворачивается и подзывает Бедокура. О том, как он разочарован, говорит поникший хвост; он редко теряет цель.

Но вскоре у Бедокура появится свой шанс, а у нее – свой.

Уэстон рысцой следует за ней. Пока они ускользают в чащу леса, багряный свет заката смягчается, как процеженный через дуршлаг.

– Как вообще может в голову прийти убить такое существо? – Она ни разу еще не видела его таким взволнованным – даже в день знакомства. – Это же...

Ей вспоминается, как он молился при виде хала. Совсем не так, как если бы просил Бога о защите. Скорее, благоговейно.

– Божество?

– Если даже и так, какая разница? Он выглядел так, будто играл с нами, а месяц еще только начался. При попытке убить его он убьет вас первым.

– Вам страшно.

– Разумеется! А вам нет, что ли?

Маргарет поправляет ремень ружья на плече.

– По-моему, это разумно – бояться такое существо, как хала.

– Тогда почему? Слава не стоит жизни.

– А если это не ради славы?

– Ради чего же? Денег? Мертвой лисы?

Маргарет фыркает. Мертвой лисы. Можно подумать, он сам так считает. Теперь-то ей известно, что мыслит он гораздо сложнее.

«Что бы кто ни говорил, это не заставит меня обращаться хоть с кем-нибудь так, как он обращается с вами, – сказал он ей. – Поверьте, я-то знаю, я сам достаточно натерпелся».

Теперь она почти уверена, что Уэстон не катарист, что объясняет, почему на охоту он не рвется, как и его упрямое стремление оберегать ее от Джейме. Если только его интерес исследователя не распространяется на сокровенные и еретические материи, как у ее матери, вероятно, он даже не желает, чтобы хала убили, а уж тем более выварили до состояния первовещества.

А это значит, что напарником по охоте он будет для нее идеальным.

В ней пробуждается надежда.

– А по-вашему, лис этого не стоит?

– Да. – Он ошарашен вопросом. – Я не рвусь ни за трофеем, ни сделать одолжение Богу, или что там еще перечисляла та дама в пабе. Даже я не настолько честолюбив и, уж конечно, не настолько набожен. Какая вообще от него польза?

– Мне нужен не сам хала, не ради него самого. – Закрыв глаза, она пытается представить, как посмотрит на нее Ивлин, когда она положит хала ей в руки. Лицо Ивлин видится ей неясно, но при самой мысли о нем внутри все наполняется томлением. – Разве не вы говорили, что рисковать жизнью стоит ради тех, кого любишь?

– Конечно, – его лицо смягчается. – Ради этого стоит рисковать всем.

Если в Уэстоне Уинтерсе и есть что-либо достойное восхищения, то это его убежденность. Он уверял ее, что ради своих мечтаний готов сделать что угодно, и теперь она ему верит. В своей жизни она редко бывала в чем-нибудь уверена, но в этом уж наверняка. Ему ни за что не стать учеником ее матери, если он не выложит хала в качестве козыря. И как только Маргарет объяснит ему, что охота – его единственный шанс продвинуться вперед по намеченному пути, он не бросит ее и не заберет лиса себе.

К завтрашнему вечеру она подыщет слова, чтобы сообщить ему это известие. А потом попросит поохотиться вместе с ней.

7

Проведя в Уикдоне почти две недели, Уэс разобрался в местных закатах. Обычно они развиваются неторопливо, жеманничают, как женщина, сбрасывающая шаль. А сегодня темнота падает, как театральный занавес. Жирные дождевые тучи выливают содержимое на горы и клубятся над морем до тех пор, пока за окном не остается ничего, кроме серой пелены.

В камине библиотеки сыплет искрами огонь, древесный сок и влага трещат в знойном пламени. Уэс склонился над учебником алхимии, запустив пальцы в волосы. Он не знает точно, сколько провел здесь – десять минут или десять часов, – но к тому времени, как наконец моргает, дрова прогорели до золы, почти вся глава улетучилась из памяти, а рядом выросла горка изорванной бумаги из блокнота. Бормоча про себя, он сметает клочки в ладонь.

До того как он бросил школу – еще в те времена, когда приходские школы сумистов не подвергались нападкам за якобы подстрекательство к бунту, – ему постоянно влетало за возню и ерзанье. И это, и прилюдное унижение, которое он терпел всякий раз, когда учителя вызывали его читать вслух, привели к тому, что от уроков его тошнило. Во время ученичества у алхимиков он старался лучше скрывать вредные привычки, рвал или теребил что-нибудь, чтобы помочь себе сосредоточиться. Бумагу, шнурки на ботинках, пуговицы на куртке, которые Кристина всякий раз нехотя пришивала обратно.

Уэс закрывает книгу и падает на нее головой. Мэгги ушла из дома несколько часов назад и забрала с собой Бедокура. Он так и не привык толком к здешнему одиночеству. Каждый звук кажется слишком громким: треск половиц, стук дождя по крыше, стон оконной рамы, которая шатается и разбухает в грозу.

Как Мэгги терпит все это? Живет в пяти милях от цивилизации. Брат умер, отец отсутствует, мать неизвестно где. Однажды он мечтал о чем-то похожем – о матери, которой нет до него дела, о доме, где он мог бы творить что хотел. Тогда наступил бы конец тем временам, когда он шатался по улицам, как бродячий кот, целовался с девчонками на пожарных лестницах или в парке, жадно ловя каждый звук. Но теперь, когда он видит, каково это, его слегка подташнивает, что когда-то он додумался завидовать подобной жизни.

Ну вот, опять он сочувствует Мэгги Уэлти. Она, наверное, выпотрошила бы его живьем, если бы только догадалась, о чем он думает.

Кто-то стучит во входную дверь.

Уэс рывком выпрямляется как раз в тот момент, когда раскат грома сотрясает дом до основания, а вспышка белой молнии рассекает ночь. Наверное, не следовало бы ему открывать дверь, ведь это не его дом, но стук повторяется, резкий и настойчивый, и Уэс нехотя выползает в прихожую. В дверной глазок он видит на веранде Халанана – тот задыхается, с него ручьем льет дождевая вода.

Изумившись, Уэс распахивает дверь.

– Халанан! Зайдете?

– Времени нет. Я пришел передать, что тебе звонили в гостиницу. Говорят, твоя сестра. Как ее... Маделин?

Черт. Звонки Маделин никогда не сулят ничего хорошего.

– Зачем звонили?

– Жаль, что сообщать об этом тебе пришлось мне, но она сказала, что с твоей матерью произошел несчастный случай.

* * *

Вестибюль гостиницы «Уоллес-Инн» такой же, как запомнился ему тогда вечером, – очаровательное подобие какого-нибудь пафосного столичного отеля. Над головой сверкает люстра, яркая, искристая, как шампанское, сквозь приглушенный гул голосов в ресторане слышно, как кто-то наигрывает на рояле переливчатую мелодию с синкопами, которая как раз сейчас вошла в моду в Дануэе.

Ровесница Уэса прислонилась к стойке администратора, почти скрытой из виду ветками какого-то раскидистого растения. В любой другой день Уэс не упустил бы случая пофлиртовать с ней, но сейчас едва замечает ее. Все, на чем он способен сосредоточиться, – беспрестанно повторять про себя услышанные от Халанана слова «несчастный случай». Не может быть, чтобы мама умерла. Халанан сказал бы ему. Вдобавок он сам понял бы в глубине души, уверен Уэс. Потому что сместились бы земные полюса или лопнула в нем некая жизненно важная жилка.

Он стаскивает кепку и торопливо выпаливает:

– Добрый вечер, мисс. Меня зовут Уэстон Уинтерс. Я слышал, мне звонили?

– А-а, – ее губы складываются в тонкую сочувственную линию. – Вы можете перезвонить вон там, мистер Уинтерс. Принести вам кофе?

– Пожалуй, да. Было бы замечательно.

Она ведет его за стойку, в уютный своей теснотой кабинет с плюшевым ковром и массивным деревянным столом. Он падает в кресло и ждет, когда девушка вернется. Ей требуется всего минута, чтобы скрыться за дверью, а потом снова вернуться и вложить ему в руки кружку. Тепло, проникающее сквозь кожу, ласкает его заочеченные от холода суставы.

Собравшись с духом, он набирает на аппарате с диском свой домашний номер. Поверхность кофе дрожит, покрывается рябью, его отражение разбивается в ней, а телефон звонит ему в ухо. Он успевает издать лишь один сигнал, и в трубке становится тихо. Никто ничего не говорит, но по напряженному молчанию ясно, что кто-то слушает.

– Мад?

– Уэстон, – резко отзывается она.

Он резко втягивает воздух, услышав в ее голосе едва замаскированную ярость.

– Что случилось?

– Маме нужна операция. Она уснула на работе и загнала себе в руку иглу.

Уэс вздрагивает.

– Как она?

– Ты слышал, что я сейчас сказала?

Он прикусывает язык, чтобы не сказать еще чего-нибудь, о чем пожалеет. Мад не всегда мыслит здраво и отстаивает свою правоту яростнее, чем он.

– Да, слышал.

Она тяжело вздыхает. Ему представляется, как дымок вьется над ее сигаретой, как она выглядывает из окна. И почти слышит шум транспорта вдалеке и стук дождя по пожарной лестнице.

– Строго говоря, да, она в порядке. Но больше работать не может – по крайней мере так, как раньше. А если ей не сделать операцию, вообще не сможет больше пользоваться рукой.

– Вот черт.

– Ага.

Оба тяжело молчат, в трубке потрескивают помехи.

– Удачная вышла попытка, – продолжает она, слегка смягчившись, – но тебе надо домой.

А вот это удар ниже пояса. Удачная попытка? Будто он ставил какую-нибудь малобюджетку? У него путаются мысли, вырывается единственное слово «нет».

– Нет? Нашей матери под пятьдесят! И если тебе этого до сих пор не видно невооруженным глазом, больше она так не может. Ты хоть замечал?

– Конечно, замечал! – Он изо всех сил старается говорить ровным голосом. Орать он пока не хочет. Как не хочет и беспокоить людей за пределами этой комнаты – неизвестно еще, что они подумают. – Боже, Мад, за кого ты меня принимаешь?

– Тогда тебе известно, о чем речь. Мы с Кристиной даже вместе не получаем столько, чтобы хватило на операцию, да еще на одежду и кормежку. Мне нужна помощь, Уэс.

– Знаю. Знаю, что она больше так не может. Знаю, что ты в одиночку не вытянешь. Но если ты дашь мне немного времени, тебе больше никогда не придется работать, и...

– Это ты уже в который раз говоришь. Все обещаешь, просишь то время, то дать тебе второй шанс. И я спускала это тебе с рук *годами*, потому что думала, что ты сам должен усвоить этот урок. Пора повзрослеть.

– Так чего же ты от меня хочешь? Чтобы я вернулся и нашел какую-нибудь жуткую тупиковую работу, на которую берут всех подряд? Хочешь, чтобы мы до конца наших дней еле перебивались? Этого я не могу. Мне надоело выживать, я хочу жить.

– А мне плевать на то, чего хочешь ты.

– Я же *стараюсь*, Мад. Стараюсь найти для всех нас выход.

– Теперь одних стараний уже недостаточно.

У него вылетает прерывистый вздох. Он не говорит ни слова, потому что она права. Права, черт бы ее побрал.

– Скажи что-нибудь, Уэстон.

– Что ты хочешь от меня услышать? – хрипло выговаривает он.

– Что-нибудь. Что угодно, только не о *тебе* самом.

Спорить бессмысленно. Всю свою жизнь он ничего не желал так, как стать алхимиком вопреки всему. Поверить, будто парнишка-сумист с банвитянскими корнями, выросший в Пятом Околотке, способен сравняться с политиками-катаристами, семьи которых правили здесь на протяжении поколений. Поверить, что кто-то вроде него способен хоть что-нибудь изменить. Но как он может надеяться защитить угнетенных этой страны, если он не в состоянии уберечь даже своих самых близких?

Проклятье, да он даже Мэгги не может защитить от Джейме Харрингтона и ему подобных, хоть она этого от него и не ждет. Ни она, ни он в этом не признавались, но Уэс не может отделаться от мысли, что и Мэгги сталкивается с предубеждениями того же рода, что и он. И потому он стремится оберегать ее.

Все Едино, и Единое – Все: таков основной принцип алхимии. Для Уэса он всегда был нравственным кодексом. Помочь одному человеку – помочь стать лучше целому миру. Но на этот раз не все так просто и понятно. Если он останется, обидит родных. Если уедет – бросит Мэгги на растерзание волкам. Как бы он ни поступил, он проиграет. Но если уж он вынужден принимать решение, оно будет одинаковым каждый раз: он выбирает свою семью. Если погоня за мечтой означает, что семью придется бросить, значит, эта мечта недостойна того, чтобы за ней гнаться. Какой в этом смысл? Он не станет лучше, чем думает о нем Мад. Эгоистичный, беспочвенный оптимист, вдобавок инфантил.

Может, он и впрямь все это время был наивен, если его идеалы оказалось так легко разрушить. Эта мечта не для него. Алхимики – люди того сорта, которые растут в богатых семьях и всегда будут богатыми. И он говорит:

– Ладно.

– Что «ладно»?

– Я приеду домой. – Уэс крепко сжимает трубку. – Я серьезно. Приеду следующим поездом.

Мад сначала молчит. Весь ее боевой настрой вдруг улетучился.

– Хорошо.

– Сувенир хочешь? Здесь в этом году охота.

– Нет. – Она не смеется, но голос звучит мягче. – Вечером увидимся.

В трубке становится тихо, потом ему в ухо звучит гудок.

Это правильное решение. Он сам понимает. Но легче от этого не становится.

Если он даст себе волю, то вспомнит, как это было *раньше*, когда они с Мад еще ладили и она была для него целым миром. Ничего ему не хотелось так, как быть рядом с ней и быть как она. Когда оба были еще детьми, он пробирался в ее комнату ночью и дергал одеяло, пока она, смягчившись, не пускала его к себе в постель. Подрастая, он полюбил болтать с ней, пока она собиралась на смену в бар. Она работала даже в то время, пока был жив папа, потому что с деньгами было всегда туговато, и даже тогда она, должно быть, уже выдыхалась.

Он говорил что-нибудь вроде: «Когда вернешься домой, хочешь посмотреть кино?»

Иногда она швырялась в него чем попало, пока он не убежал. Иногда продолжала подрисовывать карандашом свои выщипанные в ниточку брови и заявляла: «Сегодня у меня найдутся занятия получше, чем зависать с тобой».

– Завтра?

– Завтра.

А потом еще завтра, и завтра, и завтра, и так далее. Мили между ними и океаны раздражения, заполнившие их.

К тому времени, как он вешает трубку, кофе чуть теплый. Невжливо было бы не выпить его, ведь сам попросил, и он опрокидывает кружку одним махом, что оказывается ужасной ошибкой. Кофе горький, как грех Божий, пить его – будто глотать жидкую грязь, и от такой встряски он аж вскакивает. На обратном пути через вестибюль он невольно стонет при виде окон в дождевых каплях. Он как-то ухитрился забыть, насколько ненавидит его Бог, и значит, ему еще придется топтать несколько миль до Уэлти-Мэнора под дождем. Он накидывает отцовский тренчкот на голову, как капюшон.

– Эй!

Уэс оборачивается, видит девушку из-за стойки и вынуждает себя улыбнуться. Он давно овладел искусством держать чувства в себе. Если он не выпустит их на волю, отчаяние не потопит его.

– Еще раз спасибо за кофе.

Она кладет руку ему на плечо.

– Идемте. Давайте я вас домой отвезу.

– Да ничего, необязательно.

– Нет, обязательно. Льет как из ведра.

Он смотрит на небо, наклонив голову набок.

– Да уж.

Она выводит его задним ходом, где у края поля, которое быстро заливают вода, припаркована ее машина. Новая модель, сплошь блестящая черная краска и хромированная отделка.

– Пришлось потесниться, освободить место для приезжих. Под ноги смотрите.

Он забирается на пассажирское сиденье и принюхивается к приятному запаху новой кожи в салоне. Она садится рядом, приносит с собой аромат роз и дождя. Уэс пристегивает ремень, двигатель оживает. Даже объяснять не надо, куда ехать. Девушка проезжает по главной улице и прочь из города, прямо к Уэлти-Мэнору.

Девушка ничего не говорит, не спрашивает, что случилось или как он, и Уэс готов расплакаться от облегчения. Она слегка прибавляет громкость радио, так что музыку можно раз-

личить сквозь стук капель по крыше. Он прислоняется головой к оконному стеклу и закрывает глаза, узнав мелодию, которую Коллин любит напевать за мытьем посуды. Сердце сжимается от тоски, но какой теперь смысл тосковать по дому. Скоро он снова будет вместе со всеми.

Машина останавливается на подъездной дорожке у дома Уэлти, и Уэсу мерещатся вдалеке два белых круга, похожие на немигающие глаза.

– Послушайте, – начинает девушка, – я понимаю, это не мое дело, но я очень сочувствую вам из-за мамы.

Ну разумеется, не могло ему повезти так, чтобы эта тема вообще не всплыла в разговоре.

– Спасибо. Это много для меня значит.

– Возвращаетесь домой?

– К сожалению.

Кажется, она озадачена.

– Вот как? Почему вы так говорите?

– В Дануэ мне делать нечего.

– А здесь – есть? Верится с трудом.

Он поворачивается, чтобы взглянуть на нее. В темноте черт лица не разглядеть, но, когда она улыбается, он видит ее губы в алой и блестящей губной помаде.

– Вы там бывали?

– Нет, – почти мечтательно отвечает она. – Но очень хотела бы. Столько огней, и музыки, и людей... какое-то волшебство. Кажется, будто можно стать кем захочешь, сбудется все, что только пожелаешь.

Как мило. Хотел бы он пожить в городе ее романтических видений.

Но пока он здесь, в этой машине, почему бы не попробовать? Если эта девчонка хочет видеть его искушенным столичным парнем, он ей подыграет. Будет делать вид, что его жизнь легка, необременительна и очаровательна. Ему же всегда нравилось окружать себя людьми, которые не мешали ему притворяться и болтать, заглушая шум его подавленных чувств.

– И кем бы вы стали? – спрашивает он.

– Актрисой, – она почти смущена.

– Понимаю. Большой город – как раз то место, куда надо отправиться, если хочешь достичь высокой цели. Может, поедем со мной?

– О, мистер Уинтерс...

Он подмигивает.

– Я же просто шучу.

– Как это жестоко – играть девичьим сердцем, – лукаво говорит она. – Я как раз собиралась ответить, что подумаю.

– Правда? Ну что ж, последний поезд через несколько часов. Сейчас или никогда.

Может, она *и вправду* чего-то добьется в большом городе; вид у нее сейчас такой, будто она обдумывает его предложение. Сбросив маску, смеется.

– Если бы я только могла!.. Но если вам перед отъездом что-нибудь понадобится, обращайтесь.

– Вы уже сделали более чем достаточно. Еще раз спасибо, что подвезли.

– Не за что. Берегите себя, мистер Уинтерс.

Он выбирается из машины и идет к входной двери в свете фар, лучи которых пронизаны иголочками дождя. Едва он оказывается за дверью, от недавнего веселья не остается и следа. Изнеможение – вот что его сменяет, и он даже не замечает Бедокура, сбежавшего по лестнице навстречу ему. Закрыв за собой дверь, он снимает тренчкот и сразу же спешит наверх, укладывать вещи.

8

Сквозь кружево занавесок огонь кажется не таким ярким. Здесь ее, надежно укутанную пледами и устроившуюся на подоконнике эркерного окна, ничто не потревожит. Ни холод, жадно жмущийся к мокрому от дождя стеклу. Ни хала, рыщущий по лесам вокруг ее дома. Ни Джейме и его колкости. Сейчас важно лишь то, что она пропитана теплом и светом и наконец-то совсем одна.

Последнее утешает и радует меньше, чем должно было. А Уэстон куда-то ушел в такую грозу.

Каждый раз, стоит ей представить, как он заходит в дверь, желудок у нее скручивается тугим узлом. Но ее время истекает. Завтра день записи, и она не позволит остановить ее боязни впустить его в свою жизнь и дать ему в руки верное средство нанести ей рану. Сейчас или никогда.

Зигзаги молний вспарывают небо, Маргарет тревожно возвращается к книге, лежащей у нее на коленях. Читает ради утешения один из потрепанных романов в бумажных обложках, которые раньше читал ее отец, думая, что его никто не видит. Маргарет проводит пальцами по рваной, выцветшей обложке, раскрывает дешевый томик, как Священное писание. В первый раз, когда мать застала ее с одной из этих книг, она застыла в дверях как вкопанная. С вытянутым побледневшим лицом она смотрела на Маргарет, будто увидела призрак. А потом, презрительно скривив губы, изрекла: «Не трать время на эту чепуху».

Маргарет порой жалеет, что ее сентиментальность выжила, несмотря на суровое воспитание, и тем не менее она жива. «Чепуху» она начала читать, поскольку стала забывать, каким человеком был ее отец – разве что помнила, что он ушел. С каждым днем его лицо мутнело в памяти, голос звучал в ушах все менее отчетливо, забывался его тембр. А в этих книгах содержится частица отца, которую она не в силах потерять, – не то что слова его песен, смысл букв в его Священном Писании или рецепт медового кекса с пряностями, который он пек каждую осень.

Она только начинает втягиваться в знакомый сюжет, как снаружи слышится шум двигателя. Бедокур, дремавший на ковре у камина, поднимает голову с элегантно скрещенных лап. Яркие фары нарезают темноту тонкими полосками, подсвечивают клубящиеся грозовые тучи, которые надвигаются с гор. Маргарет прижимается лбом к оконному стеклу и щурится в потоке света. Туман заволакивает стекло как раз в тот момент, когда она видит гладкий черный автомобиль, колыхающийся на ухабах подъездной дорожки. В такой час он выглядит воплощением ужаса. В Уикдоне почти никто не ездит на машинах, половине местных не по карману даже держать лошадь. И никому из Уикдона в голову не приходит бывать с визитами в Уэрти-Мэноре, будь то на машине или нет.

Пассажирская дверца открывается, выходит какой-то мужчина – нет, не какой-то: это Уэстон. Она узнает его по отросшим волосам и поношенному тренкоту, наброшенному на плечи. А потом, присмотревшись, узнает и машину.

На ее удачу, Уэстон решил связаться не с кем-нибудь, а с Аннетт Уоллес, подружкой Джейме и одной из любимиц всего Уикдона. Семья Уоллес – потомственные толстосумы, разбогатевшие на разработке золотой жилы, теперь им принадлежат несколько городских компаний. Наверняка охоту нынешнего года в значительной мере спонсируют они.

В замочной скважине поворачивается ключ, Бедокур вскакивает и несется вниз по лестнице. Ее предала собственная собака. Дверь открывается, гроза слышится во всей ее мощи. Шумят ветками деревья, дождь с силой бьет в землю, взбивает полузамерзшую грязь. Добираться до города в такую погоду – сущий кошмар, на миг Маргарет беспокоится, как бы Аннетт

не застряла. Но, к счастью, ревет двигатель, машина быстро вырывается из грязевого плена и удаляется в сторону предгорий.

Чем ближе слышатся шаги Уэстона на лестнице, тем судорожнее стучит сердце Маргарет. Хлопает дверь его комнаты. Маргарет снова углубляется в книгу, отчаянно пытаюсь успокоить нервы перед разговором с ним, но сосредоточиться не может. Слышно, как он роется в своих вещах, гремит ящиками, и эти звуки сводят ее с ума. Да что он там делает?

Раздраженно фыркнув, она кладет раскрытую книгу страницами вниз и решительно выходит в коридор. Распахивает дверь его комнаты и застает Уэстона вываливающим свои вещи из шкафов. У нее падает сердце при виде наполовину собранных чемоданов.

– Что вы делаете?

Уэс вздрагивает, круто оборачивается к ней. Маргарет чуть не отшатывается при виде его лица. Он мертвенно-бледен, волосы облепили голову, он похож на дрожащего пса, мокрого и потому особенно тощего. Но хуже всего его глаза. В них нет ни озорного блеска, ни насмешки. Только опустошенность и изнеможение, знакомое Маргарет по собственному лицу.

В руке он сжимает четки, которые быстро прячет в карман, словно она застала его за каким-то неприличным поступком. Маргарет уже давно кое-что подозревает, и увиденное подкрепляет ее уверенность. Уэстон сумист. Но это открытие не приносит ни облегчения, ни объяснений, ведь он явно уезжает.

– Вас стучаться не научили? – выпаливает он.

– Куда вы едете?

Самообладание возвращается к нему ненадолго, он улыбается ей. Улыбка выходит кривой, лицо выглядит неподходящей по размеру маской.

– Домой.

– Что? – Она не в силах сохранить спокойствие. – Почему?

– Я не создан для сельской жизни, – беспечно бросает он, глядя на нее из-под ресниц. На их кончиках повисли дождевые капли, переливающиеся на свету. – Вы, похоже, расстроены. Будете скучать по мне?

В ней разгорается искра раздражения. В человеке, который показался ей таким преданным своей мечте, невыносимо видеть переменчивость. Особенно сейчас. Когда ей так *необходимо*, чтобы он остался. Когда она только-только собралась с духом...

– Вам нельзя домой.

– Что вы такое говорите?

– Вы готовы так легко отказаться от своей мечты? Стоило ли тогда унижаться, как псу, лишь бы остаться здесь, только чтобы затосковать по дому за какие-нибудь две недели? Вы так мало цените собственную гордость?

Его улыбка тускнеет.

– Не в этом дело.

– А в чем же?

Он проводит пятерней по волосам. Капли воды стекают по его подбородку и шее. Маргарет невольно прослеживает их путь, пока они не ускользнут под воротник.

– Долго рассказывать. Скажем так: я нужен моим сестрам дома, и закончим на этом.

– А мне вы нужны здесь, – говорит она, прежде чем успевает опомниться. Она ведь была так осторожна, готовилась ко всему. Как она могла так ошибиться?

– Мне казалось, вам уже хватило денег на взнос.

– У меня нет напарника.

Лицо Уэса вытягивается в замешательстве.

– А я-то тут при чем?

– Мне надо, чтобы вы стали моим алхимиком. Моя мать уже не берет учеников, но тот самый хала нужен ей больше всего на этом свете. Вы – единственный, кому я могу довериться,

потому что вы отдадите его ей, когда охота закончится. А отдадите потому, что тогда ей не останется ничего другого, кроме как отплатить вам ученичеством.

Судя по виду, Уэс совершенно ошеломлен.

– Но... но я же не алхимик. Официально.

– Не скромничайте. – Маргарет нерешительно присаживается на край его постели и этим, кажется, немного задабривает его. – Если вы способны производить трансмутацию, значит, вы алхимик. И потом, в правилах ничего не сказано насчет лицензии.

– Я ценю ваш вотум доверия, но я не в состоянии обеспечить вам какие бы то ни было конкурентные преимущества.

– От вас требуется только одно: зачаровать то, чем можно убить того самого хала, и показаться всем. Вот и все.

Это упрощенный перечень обязанностей алхимика во время охоты, тем не менее он верен. На самом же деле Полулунная Охота не так уж отличается от других лисьих охот, заполняющих осенние дни. Охотничьи клубы запускают в леса свору гончих, работающих по следу, и едут за ними верхом. И заканчивается охота лишь тогда, когда добыча скрывается в норе, оказывается разорванной в клочья или убитой. Разница лишь в том, что во время *той самой* охоты добыча может погибнуть только от руки алхимика в ночь Холодной Луны – по крайней мере, так утверждают непостоянные исторические источники. Несмотря на все старания, ни одному алхимику за последние двести лет не удалось убить демиурга. В настоящий момент единственный, кто знает наверняка, как это делается, – Ивлин.

Нет, должен же быть еще способ. Она обязана в это верить.

– Ничего подобного! – возражает Уэстон. – Слушайте, я же в курсе, что вытворяют алхимики во время охоты. А как же алхимические ловушки? Диверсии? Мы оба знаем, что я недостаточно сведущ и опытен для них. И потом, я ничего не знаю об охоте, – он поднимает растопыренные пальцы и начинает загибать их. – Я не знаю, какое снаряжение вам понадобится помимо оружия. Понятия не имею, как предвидеть то, что замышляют конкуренты. Не умею стрелять из ружья. Я даже верхом ни разу не ездил!

– Про все снаряжение, которое мне понадобится, я вам расскажу, верхом ездить научу. А что до остального, от вас ничего не понадобится. Вы нужны мне не ради дешевых трюков. Вы просто должны существовать. Зачем же вы со мной препираетесь?

– Я не препираюсь. Просто стараюсь дать вам понять, что мой отъезд – не повод для разочарований. Мне жаль. Искренне жаль. Но вам придется найти кого-нибудь другого.

– И вы правда готовы отказаться от такого шанса ради ваших близких?

– Всегда.

Что было бы, если бы все и всегда возвращались домой по *ее* просьбе? Если бы любовь всегда перевешивала амбиции?

– Ясно.

– Мисс Уэлти, я... я вижу, что вы расстроены, но не понимаю. Если завтра возвращается ваша мать, вы сможете участвовать в охоте вместе с ней, разве не так?

Она молчит, и его лицо медленно омрачается пониманием.

– Так вы в самом деле не знаете, вернется она или нет?

– Да. – Нож с поворотом вонзается в ее тайный позор. – Наверняка не знаю.

Это была не ложь. А истина, в которую ей хотелось верить.

Она собирается с духом, готовясь к его гневу, но, когда снова встречается с ним взглядом, он грустно улыбается.

– Значит, видимо, правильно вы говорили мне уезжать домой с самого начала. Почему же потом передумали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.